

Размѣры Персидскаго залива

Персидскій заливъ есть средиземное море, вытягивающееся изъ Аравійскаго моря въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи. Онъ дѣлится на двѣ неравныя части высоко выдающимся полуостровомъ эль-Катръ на аравійской сторонѣ и мысомъ Набандомъ, лежащимъ подь $52^{\circ} 36'$ в. д. на персидской. Южная, болѣе широкая, часть доходитъ къ югу до 24° с. ш. у болотистаго берега Субахи; сѣверная, болѣе узкая, идетъ въ параллельныхъ берегахъ, которые сходятся на сѣверѣ въ широкой дельтѣ Шать-эль-Араба. Южная часть глубже сѣверной. А воронка Аравійскаго моря, извѣстная подь названіемъ Оманскаго залива, съ которою соединяется Персидскій заливъ помощью узкаго Хормузскаго пролива, глубже южной части залива.

Границы залива составляетъ линія, которая проходитъ отъ мыса Мусендима, крайней оконечности известковаго полуострова Руусъ-аль-Джибаль, при входѣ въ заливъ, черезъ группу острововъ Бенать-Салама (или Салама-ва-Бопатаха, „Дочь безопасности“) идетъ на востокъ отъ острова Ларака, черезъ островъ Хормусъ и упирается въ материкъ у города Бендеръ-Аббаса. На сѣверо-западѣ крайней точкой является Куэйтская бухта, на сѣверо-востокѣ бухта Шахъ-абу-Шахъ, къ сѣверу отъ порта Бендеръ-Дилама. На югѣ крайней точкой служитъ упомянутый берегъ Субаха. Предѣльныя точки эти находятся на $47^{\circ} 52'$ и $56^{\circ} 40'$ восточной долготы для протяженія съ запада на востокъ и на $23^{\circ} 59'$ и $30^{\circ} 10'$ сѣверной широты для протяженія съ юга на сѣверъ.

Средняя ось залива измѣряется ломаной линіей, вершина которой находится около острова Сиръ-абу-Нуаиръ подь $54^{\circ} 14'$ в. д. и $25^{\circ} 13'$ с. ш., одинъ конецъ въ Бахмиширской протоцѣ Шать-эль-Араба, а другой у мыса Мусендима, гдѣ начинается океанская глубина въ 150 метровъ. Длина этой ломаной по измѣренію З. Генте равняется 600 морскимъ милямъ или 1111 километрамъ. Общая длина береговъ равна 1572 милямъ или 2900 кил., изъ кото-

рыхъ на персидскій берегъ приходится 222 мили или 411 кил., а на аравійскій 1020 м. или 1889 к. Сѣверный берегъ длинной въ 128 миль или 237 к., изъ которыхъ на дельту Шатъ-эль-Араба приходится 73 мили или 155 кил.

Наибольшая ширина залива находится на 52 меридіанѣ, проходящимъ отъ берега Субаха, черезъ островъ Ясатъ, къ крутому берегу между Бардистаномъ и Кангуномъ, гдѣ гора Джебель-Саръ (Сири-Айенатъ) въ 4660 ф. высоты, подходитъ вплотную къ морю. Длина этого поперечника—224 м. или 415 кил. Далѣе къ западу, на линіи отъ Расъ-Раккана, сѣверной оконечности полуострова эль-Катра, до Расъ-Набанда ширина залива суживается до 98 миль или 181 кил. Входъ въ Бахреинскую бухту имѣетъ 56 миль или 104 кил. ширины. Самая меньшая ширина находится между Расъ-Мусендимомъ и противоположнымъ материкомъ и имѣетъ 45 миль или 83,5 килом. Если же считать Хормузскій проливъ только до южной оконечности острова Ларака, то самое узкое мѣсто залива будетъ имѣть всего только 27 миль или 52 к. ширины.

Площадь залива измѣрялась нѣсколько разъ все съ большею и большею точностью, по мѣрѣ усовершенствованія морскихъ картъ залива. Зигфридъ Генте въ 1896 году дѣлалъ измѣреніе по двухлистовой картѣ англійскаго адмиралтейства въ 1: 1,003,000, внеся поправку на кривизну по Бесселевскому измѣренію земного шара, и получилъ 223,850 кв. километровъ. Вѣроятно его предшественники не принимали этой поправки, чѣмъ объясняется несходство результатовъ предшествовавшихъ измѣреній. Такъ въ нѣмецкой лоціи Индійскаго океана площадь показана въ 236,176 кв. кил. или 68,816 кв. миль, въ англійской лоціи Индійскаго океана приведена круглая цифра въ 70,000 кв. миль. Крюммель нашелъ 236,835 кв. кил., его ученикъ Карстенсъ—236,785, каковая цифра принята и Ю. М. Шокальскимъ. Пенкъ даетъ круглое число 237,000 кв. кил. Всѣ эти цифры, по скольку онѣ являются результатомъ самостоятельнаго вычисленія, добыты по англійской адмиралтейской картѣ № 7486. т. е. по сѣверной половинѣ двухлистовой карты Индійскаго океана въ 1:7.600,000. При такомъ маломъ масштабѣ и при недостаточной точности описанія береговъ, ошибки въ вычисленіи площади вполне естественны, какъ это явствуется изъ сравненія данныхъ вычисленія площади залива, начиная съ первыхъ опытовъ, до послѣдней работы Генте.

Такъ Генрихъ Бергхаузъ воспользовался для двѣнадцатаго листа своего атласа Азіи, изданнаго въ 1832 г., только что законченной тогда картой залива капитановъ флота Остъ-Индской кам-

паніи Гюи и Брукса, работавшихъ между 1821-1829 годами, на работѣ которыхъ основана и новѣйшая карта залива, составленная Констеблемъ и Стиффомъ въ 1860 году. По картѣ Гюи и Брукса Бергхаузъ составилъ свою на треть уменьшенную карту залива, которая была однако въ три раза больше карты, съ которою работалъ Крюммель, и вычислилъ по ней площадь залива въ 4340 нѣмецкихъ кв. миль или 268.038,40 кв. кил. На картѣ адмиралтейства, вдвое большей, площадь залива безъ поправки на кривизну равняется 285.634 кв. кил., около 60,000 кв. кил. болѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Въ составленной Хабенихтомъ картѣ Ирана и Турана въ атласѣ Штилера въ 1:7.500,000, исправленной въ 1894 г., дана площадь въ 236,982 кв. кил. Результаты всѣхъ измѣреній площади залива сведены Генте въ такой таблицѣ:

Годъ.	И М Я.	Источники.	Масштабъ.	Площадь въ километр.
1832	Berghaus	Карта Guy и Brucks	1 : 2,368,000	238,969
1879	Krümmel	Адмир. к. N. 7486 .	1 : 7,600,000	236,835
1890	Persian Gulf Pilot 3-е изд. . . .	Н е у к а	з а н о.	239,000
1891	Segel-Handbuch f. d. Ind. Ocean . .	Н е у к а	з а н о.	236,176
1894	Karstens	Адмир. к. 7486. .	1 : 7,600,000	236,785
1894	Penck	Н е у к а	з а н о.	237,000
1896	Genthe	Адмир. к. 2837 ab.	1 : 1,003,000	223,850

Сравнивая площадь Персидскаго залива съ площадями другихъ средиземныхъ морей, мы увидимъ, что онъ въ десять разъ меньше Романскаго Средиземнаго моря и только вдвое больше Адриатическаго и Калифорнійскаго заливовъ, съ послѣднимъ изъ которыхъ онъ лежитъ почти на одной широтѣ. Онъ приблизительно равенъ Балтійскому морю безъ Ботническаго и Финскаго заливовъ. Равное ему пространство земли равняется Англіи съ Уэльсомъ и Шотландіей. Онъ представляетъ собою одну трехсотую Индійскаго Океана и около одной стотридцатой общей площади всѣхъ средиземныхъ морей, считая ее въ 30, 764, 406 кв. кил.

Точно измѣрить площадь острововъ залива затруднительно вследствие недостаточно точнаго измѣренія ихъ береговъ. Бергхаузь сдѣлалъ попытку измѣрить около 40 изъ нихъ и опредѣлить ихъ общую площадь въ 1200 кв. миль или въ 4632 кв. кил. Генте измѣрилъ двадцать самыхъ крупныхъ и нашелъ, что ихъ площадь выражается цифрою 3761 кв. кил., изъ которыхъ на долю Кишма и Бахрейна приходится 2302 кв. кил., при чемъ въ число подвергшихся измѣренію не вошли большіе острова дельты Шатъ-эль-Араба. Пенкъ опредѣляетъ „инсулозность“ залива, т. е. отношеніе площади острововъ къ водному пространству, въ 18,4⁰/₀, что является очень высокимъ отношеніемъ, если принять во вниманіе что инсулозность Британскаго моря равна 16,2⁰/₀, а Средиземнаго 3,6⁰/₀.

На Персидскомъ заливѣ насчитываютъ болѣе пятидесяти острововъ, которые тѣсно расположены при входѣ и у юго-восточной части персидскаго берега. На аравійской сторонѣ находится множество плоскихъ островковъ, отмелей и подводныхъ камней. Значеніемъ и величиною выдѣляется среди нихъ Бахреинъ, а островъ Кишмъ среди персидскихъ острововъ. Остальные рѣдко имѣютъ болѣе 50 кв. кил. Въ большинствѣ случаевъ это утесы, выброшенные вулканическою дѣятельностью и возвышающіеся на нѣсколько метровъ надъ поверхностью моря. Иногда это вулканическія скалы, которыя при небольшомъ объемѣ обладаютъ значительной высотой и замѣтны издали, какъ Сиръ-бени-Ясъ, который имѣя поверхность въ 57,8 кв. кил. возвышается на 165 мет.

Источники: Genthe: op. cit. Krümmel (Otto): Versuch einer vergleichenden Morphologie der Meeresräume. Leipzig, 1879. Supan (Alexander): Grundzüge der physischen Erdkunde, Leipzig, 1896. Penk (Albrecht): Morphologie der Erdoberfläche. Stuttgart, 1894. Suess (Eduard): Antlitz der Erde. Wien, 1885. Karstens (Karl): Eine neue Berechnung der mittleren Tiefe der Oceane nebst einer vergleichenden Kritik der verschiedenen Berechnungsmethoden. Inaug.—Diss. Kiel, 1894г. Ю. М. Шокальскій: „Океаны“ и „Персидскій заливъ“ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона.

Карта Англійскаго Гидрографическаго управленія № 2837 а и b: „Persian Gulf compiled by Comm-r C. G. Constable and Lieut A. W. Stiffe, J. N. 1860, corrected Oct. 1890, съ исправленіемъ по лоцм. замѣткамъ Русскаго Гидрографическаго Управленія 1899.

Наши дорожныя предпріятія въ Персіи.

Докладъ С. К. Подгурскаго *).

Персія представляетъ для Россіи громадный интересъ, какъ сосѣдняя страна съ 9-ти миллионнымъ населеніемъ, граница которой съ Россіей составляетъ свыше 2.000 верстъ, изъ которыхъ около 600 верстъ приходится на долю русскаго Закавказья.

Торговые обороты Россіи съ Персіей за послѣднее время стали возрастать. Такъ въ 1890 г. съ 21.7 милл. руб. они достигли въ 1900 году 41 милл. руб., а въ 1901 г. уже 49 милл. руб. Точныхъ цифровыхъ данныхъ за 1902 и 1903 гг. у меня нѣтъ подъ рукою, но судя по статистикѣ грузовъ Энзели-Тегеранской дороги обороты за эти два года возрасли. Лишь послѣдній 1904 г. оказался, къ сожалѣнію, менѣе удачнымъ, такъ какъ жестокая холерная эпидемія, свирѣпствовавшая въ Персіи вызвала полный упадокъ торговли и застои въ дѣлахъ. Неблагопріятно на нашихъ торговыхъ оборотахъ отразились также и событія на Дальнемъ Востока.

Сношенія Персіи съ Россіей производятся: а) черезъ нашу сухопутную закавказскую границу и черезъ Каспійскій портъ Астарту (Тавризскій районъ), б) черезъ южные порты Каспійскаго моря: Энзели, Мешедессеръ (Тегеранскій районъ) и, наконецъ, в) черезъ станціи Закаспійской желѣзной дороги и нашу средне-азіатскую границу Асхабадъ, Душакъ на Мешхедъ—(Хорасанскій районъ).

Въ виду сложившихся условій торговля, производящаяся черезъ южную границу Персіи, т. е. черезъ порты Персидскаго залива и Индійскаго океана, находится почти исключительно въ рукахъ англичанъ, имѣющихъ преимущество въ ихъ торговомъ флотѣ. Но и въ районахъ сѣверной Персіи, болѣе доступныхъ для нашего вліянія, намъ приходится выдерживать сильную конкуренцію съ нашими западно-европейскими соперниками, въ особенности же англичанами и отчасти нѣмцами, товары которыхъ

*) Докладъ читанъ въ Обществѣ Востоковѣдѣнія 26 Апрѣля 1905 года.

проникають сюда съ запада и съ востока и даже съ юга изъ портовъ Персидскаго залива.

Граничающая съ русскимъ Закавказьемъ, провинція Азербайджанъ считается самою богатою въ Персіи, благодаря своимъ природнымъ условіямъ, допускающимъ культуру не только хлѣбныхъ злаковъ, но и хлопчатника. Окрестности гор. Тавриза и озера Урміи имѣютъ густое и при томъ наиболѣе способное къ дѣятельности населеніе. Самъ городъ Тавризь представляетъ собою наиболѣе крупный торговый центръ Персіи.

Несмотря на всѣ естественныя преимущества, находящіяся, на нашей сторонѣ, наши западно-европейскіе соперники, главнымъ образомъ, англичане, выдерживаютъ съ успѣхомъ конкуренцію съ нами на рынкахъ Азербайджана, и во всякомъ случаѣ русская торговля не занимаетъ здѣсь того первенствующаго значенія, которое она должна бы занимать, благодаря сосѣдству Россіи съ Персіей.

Однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ развитію русско-персидскихъ торговыхъ сношеній служитъ отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, ведущихъ отъ границъ Россіи внутрь Персіи. Почти всѣ дороги въ сѣверной части этой послѣдней страны представляютъ собою доступныя лишь для передвиженія вьючныхъ животныхъ пути, по которымъ перевозка товаровъ затруднительна, а самый товаръ нерѣдко подвергается порчѣ, перевозка же громоздкихъ и хрупкихъ предметовъ почти совершенно невозможна.

Подобное неустройство путей сообщенія не даетъ возможности сколько нибудь точно опредѣлить стоимость провоза, дѣлаетъ его крайне дорогимъ и ставитъ весь успѣхъ торговыхъ сношеній въ зависимость отъ риска, ничѣмъ не предотвратимаго.

Вопросъ о проведеніи въ Персіи улучшенныхъ путей сообщенія вообще съ давнихъ поръ привлекаетъ вниманіе иностранныхъ капиталистовъ, и усилія, которыя они употребляли съ цѣлью полученія концессіи на сооруженіе дорогъ въ Персіи, не могли не обратить на себя вниманія русскихъ предпринимателей.

Въ 1902 г., въ силу данной Персидскимъ правительствомъ концессіи на сооруженіе и эксплуатацію грунтовой дороги отъ одной изъ пограничныхъ станцій русской желѣзно-дорожной сѣти черезъ Тавризь до Казвина, образовано было Акціонерное Общество Тавризской дороги, Уставъ котораго ВЫСОЧАЙШЕ Утвержденъ 3 іюля 1902 года. Начальнымъ пунктомъ дороги избрана станція Джульфа, нынѣ сооружаемой Улуканлу-Джульфинской ж. д. Линія пересѣкаетъ пограничную рѣку Араксъ мостомъ,

отв. въ 50 сажень, и, пройдя его долину, подымается по Дарадизскому, скалистому, очень живописному ущелью, на перевалѣ котораго достигаетъ на 44 в. ст. Аляки, откуда спускается къ долинѣ р. Зильбиръ-Чай, подходитъ къ небольшому г. Маранду на 68 в.; подымается по Ямскому ущелью къ новому перевалу; спускается по долинѣ р. Софіанъ-Чай къ большому селу Софіано и по обширной равнинѣ достигаетъ г. Тавриза на 140 в.

Главный городъ Азербайджана Тавризъ расположенъ на обширной равнинѣ у рѣчки Аджи-Чай, весь окруженъ садами и виноградниками, снабжается ключевою водою, подобно почти всѣмъ городамъ и селамъ сѣверной Персіи, проведенной съ горъ открытыми и закрытыми каналами. За полнымъ отсутствіемъ статистики въ Персіи установить точную цифру народонаселенія г. Тавриза трудно, считаютъ около 300 тысячъ. Здѣсь издавна сосредоточились крупнѣйшіе купцы-оптовщики, находящіеся въ непосредственныхъ сношеніяхъ, съ одной стороны, съ заграничными фирмами, а съ другой—съ мелкими торговцами изъ другихъ городовъ Персіи. Въ Тавризѣ основались европейскіе торговые дома, и такимъ образомъ Тавризъ приобрѣлъ значеніе центра не только внутренней, но и внѣшней торговли всей сѣверной и центральной Персіи.

Тавризъ славится своимъ ковровымъ производствомъ. На одной изъ лучшихъ фабрикъ я былъ,—она принадлежитъ русскому подданному, богачу персу Мамедову, не бывавшему, впрочемъ, никогда въ Россіи и не говорящему по-русски. На фабрикѣ работаетъ около 500 рабочихъ мальчиковъ отъ 6 до 14 лѣтъ на ручныхъ станкахъ, работаютъ они партіями въ 5—10 человекъ по командѣ старшихъ рабочихъ, диктующихъ цвѣта шерсти или шелку по рисунку на распѣвъ. Лучшіе ковры идутъ по заказамъ въ Америку по баснословнымъ цѣнамъ до 12 тыс. руб. за штуку. При фабрикѣ имѣется альбомъ съ раскрашенными фотографіями лучшихъ, выпущенныхъ фабрикою ковровъ, хранящихся въ музеяхъ Вѣны, Парижа и Лондона и частныхъ лицъ Западной Европы. По послѣднимъ свѣдѣніямъ персидскихъ таможенъ, изъ Тавриза ежегодно вывозится ковровъ на сумму около 4.000.000 рублей.

Отъ Тавриза начинается подъемъ на самый трудный перевалъ Шабли. Мѣстность пересѣчена поперечными глубокими оврагами, отсутствіе же продольныхъ по направленію линіи долинъ дѣлаетъ перевалъ Шабли на 192 в. по трудности трасы гвоздемъ нашихъ изысканій. Отъ озера Куругель, въ разстояніи около 60 верстъ отъ Тавриза, мѣстность становится менѣе пересѣченною, но у с. Турк-

манчая (292 вер.) мѣстность становится опять чрезвычайно трудной и, лишь, подходя къ долинѣ р. Міане-Чай, переходитъ въ равнинныя условія.

Городъ Міане извѣстенъ во всей Персіи своими злокачественными клопами „Мелѣ“ (кусающій иностранца)—по изслѣдованіямъ въ Парижѣ это родъ паучковъ), укусы которыхъ болѣзненны, залечиваются трудно, бываютъ причиной лихорадочныхъ явленій и, какъ говорятъ, даже смерти. Для мѣстныхъ жителей они, по видимому, безвредны.

Отъ Міане (339 в.) дорогу, несмотря на пересѣченіе горнаго хребта Кафланку, удалось провести равнинными условіями. Линія, слѣдуя по скалистому чрезвычайно живописному, но дикому ущелью р. Кизиль-Узенъ, переходитъ въ долину р. Зенджанъ-Чай, впадающей въ нее у великолѣпнаго стариннаго арочнаго моста со смѣлыми 15-ти саженными пролетами. По долинѣ этой линія слѣдуетъ вплоть до г. Зенджана.

Г. Зенджанъ славится своими серебряными ажурной работы издѣліями. Мастера работаютъ на базарѣ (гостиный дворъ) въ открытыхъ лавкахъ на виду.

Базары въ персидскихъ городахъ какъ Тегеранъ, Тавриздъ, Зенджанъ, Рештъ, Казвинъ занимаютъ громадную площадь среди города. Площадь базара въ Тегеранѣ или въ Тавриздѣ значительно превосходитъ площадь нашего гостинаго двора въ Петербургѣ. Это громадное зданіе съ многими дворами, раздѣленное корридорами, покрытыми легкими крестовыми сводами: по обѣимъ сторонамъ корридора расположены лавки, соединенныя съ корридорами большими проемами, такъ что каждая лавка производитъ впечатлѣніе четырехугольной площади, огражденной съ трехъ сторонъ стѣнами и четвертой открытой, примыкающей къ корридору. Базаръ это центръ городской жизни, толпа наполняетъ его весь день. Здѣсь въ большомъ количествѣ расположены чайныя (чай-хане), ярко освѣщенныя вечеромъ массою керосиновыхъ лампъ русской работы. Персы очень любятъ яркое, пестрое освѣщеніе и часто устраиваютъ иллюминаціи и фейерверки. Чай любимый напитокъ персовъ. Въ каждой деревнѣ можно найти русскій самоваръ. Чай большею частью получается изъ Бомбея, хотя есть и русскій, т. е. привозимый черезъ Россію. Сахаръ почти исключительно русскій.

Отъ Зенджана до Казвина дорога пролегаетъ по совершенно ровной мѣстности Иранскаго плоскогорья. Разстояніе между этими городами 163 вер. Въ 35-ти вер. отъ Зенджана линія проходитъ у села Султаніе. Село это нѣкогда городъ-резиденція правителей

Персіи—славится своею мечетью-гробницей одного изъ Шаховъ. Храмъ этотъ, по размѣрамъ и очертаніямъ купола напоминающій храмъ Спасителя въ Москвѣ, просуществовалъ по словамъ мѣстныхъ жителей около 1300 лѣтъ, нынѣ стоитъ въ развалинахъ, но прелестныя мозаичныя работы сохранились до сихъ поръ.

Мѣстность, по которой пролегаетъ Тавризская дорога, довольно густо населена въ сѣверной части курдами, въ южной—персами.

Многочисленныя селенія, ютящіяся у подножья горъ, окружены фруктовыми садами и виноградниками. Несмотря на тропическую жару и полное отсутствіе дождей лѣтомъ, и даже росы, листья деревьевъ сохраняютъ чрезвычайно яркій сочный цвѣтъ зелени безъ малѣйшей желтизны.

Жара въ Персіи, если судить по 3-мъ моимъ поѣздкамъ, переносится не трудно, необходимо лишь принимать всѣ мѣры къ защитѣ отъ непосредственнаго дѣйствія палящихъ лучей солнца, причиняющихъ солнечные удары. Пробковая каска, фланелевое платье, кавказская бѣлая бурка и бѣлая полотняная обувь защищали меня прекрасно. Жара начинается съ момента появленія солнца на горизонтѣ. Ночью температура опускается до 10°, днемъ я наблюдалъ 53° по Цельсію. Въ ущельяхъ періодически съ 3-4 ч. до 6-7 ч. вечера ежедневно бушуетъ сильнѣйшій вѣтеръ, поднимающій облака пыли.

Почва чрезвычайно плодородна—ячмень и пшеница даютъ по два сбора. Все хозяйство основано на искусствѣ орошенія полей, и персы въ этомъ отношеніи достигли замѣчательнаго совершенства. Приходится удивляться замѣчательной правильности въ проведеніи каналовъ оросительныхъ (арыковъ) и приданіи имъ надлежащихъ уклоновъ, несмотря на полное отсутствіе теоретическихъ познаній въ инженерномъ искусствѣ. Кромѣ пшеницы и ячменя въ Азербайджанѣ довольно много плантацій хлопка, а также *ricinus'a*; масломъ, добываемымъ изъ этого растенія, освѣщаются жилища сельскаго населенія. Въ ущельяхъ рѣкъ Шахри-Чай, Кизиль-Узенъ и друг. много рисовыхъ плантацій. Главные предметы вывоза изъ Азербайджана въ Россію сушеные фрукты (около милліона пуд.), ковры (1½ мил. руб.), хлѣбъ (150.000 пуд.), хлопокъ (50.000 п.)

Вся длина дороги отъ Джульфы до Казвина 628 в.

Нынѣ находится въ постройкѣ участокъ Джульфа-Тавризь 140 в.

Выше были изложены соображенія о значеніи для насъ въ экономическомъ отношеніи созданія улучшенныхъ путей сообщенія въ Сѣверной Персіи и въ подробностяхъ разобранъ вопросъ о дорогахъ между Русскимъ Закавказьемъ и Тавризомъ. Переходя засимъ къ вопросу о путяхъ, ведущихъ отъ береговъ Каспійскаго моря въ глубь Персіи, важнѣйшимъ и имѣющимъ несомнѣнно первостепенное значеніе является существующая уже Энзели-Тегеранская дорога отъ пристани Пирь-Базаръ, у рѣчки того же названія, впадающей въ Энзелийскій заливъ, до г. Тегерана.

Въ 1890 году владѣльцу банкирскаго дома Л. С. Полякову была выдана Шахскимъ Правительствомъ концессія на монополное право производства въ Персіи транспортныхъ и страховыхъ операций, каковую концессію Поляковъ передалъ образованному имъ „Персидскому страховому и транспортному Обществу“.

Въ 1893 году означенному Обществу была дарована Шахомъ концессія на постройку колесной дороги отъ Энзелийскаго залива до Казвина. Для осуществленія этой послѣдней концессіи было образовано акціонерное Общество Энзели-Казвинской дороги, уставъ котораго былъ Высочайше утвержденъ 19 Мая 1895 года. Въ 1895 году Общество Энзели-Казвинской дороги приобрѣло у персидскихъ сановниковъ находившуюся въ ихъ владѣніи колесную дорогу отъ Казвина до Тегерана.

Засимъ, тому же Обществу была предоставлена Шахскимъ Правительствомъ концессія на производство работъ для расчистки Энзелийскаго порта и углубленія Энзелийскаго залива—Мурдаба. Наконецъ, 19 декабря 1895 г., Обществу Энзели-Тегеранской дороги была дарована Персидскимъ Правительствомъ концессія на сооруженіе и эксплуатацію дороги отъ Казвина до Хамадана.

Энзели-Тегеранская дорога занимаетъ несомнѣнно одно изъ выдающихся мѣстъ среди путей, служащихъ для товарообмѣна между Россіей и Персіей.

При его посредствѣ центральная Персія съ городомъ Тегераномъ, представляющимъ крупный потребительный центръ для нашего отпуска, соединяется съ Каспійскимъ моремъ, а черезъ русскіе порта Каспійскаго моря — Астрахань, Петровскъ, Баку и Красноводскъ между сѣвѣрною Персіею устанавливается сообщеніе съ промышленнымъ Приволжскимъ раіономъ (Московско-Нижегородскимъ), Кавказскимъ и, наконецъ, Закаспійскою областью. За этимъ сообщеніемъ въ торговомъ отношеніи останется то несомнѣнное преимущество, которое имѣютъ вообще въ торговлѣ

водные пути, когда порты, черезъ которые оно производится будутъ болѣе благоустроены.

Въ торговомъ отношеніи вліяніе этой дороги не замедлило сказаться очень быстро: такъ въ теченіе перваго года эксплуатаціи 1900 г. перевезено по дорогѣ 5,8 милл. пуд. грузовъ, въ 1901 г. — 6,6 милл. пуд., въ 1902 году — 6,9 милл. пуд., въ 1903 г. — 8,1 милл. пуд. и въ 1904 г. — 7,19 милл. п.

Если до 1904 г. предпріятіе Энзели-Тегеранской дороги не произвело того вліянія въ отношеніи развитія торговыхъ сношеній съ Персіей, на которое вправѣ было рассчитывать, то это объясняется тѣми неудобствами, съ которыми сопряжена доставка грузовъ съ бортовъ судовъ до конечнаго пункта Энзели-Тегеранской дороги пристани Пиръ-Базаръ. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе мелководія Энзелийскаго рейда и незащищенности его отъ сильныхъ, господствующихъ здѣсь сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, суда не подходятъ къ берегу, а останавливаются въ разстояніи около версты, товары перегружаются на барки (кирджимы), на которыхъ доставляются черезъ Энзелийскій проливъ къ устью рѣки Пиръ-Базаръ, здѣсь перегружаются вторично въ болѣе мелко сидящіе кирджимы и по рѣчкѣ бичевникомъ доставляются къ пристани Пиръ-Базаръ.

Для устраненія этихъ колоссальныхъ неудобствъ нынѣ отъ г. Решта вдоль восточнаго берега Энзелийскаго залива, до такъ называемаго Казьянскаго берега Энзели, сооружается шоссированная дорога и такимъ образомъ Энзели-Тегеранская дорога будетъ примыкать непосредственно къ берегу Каспійскаго моря, — гдѣ сооружается въ настоящее время портъ.

Энзели-Тегеранская дорога на протяженіи первыхъ 40 вер. проходитъ по низменной болотистой мѣстности, поросшей кустарникомъ и лѣсомъ. Линія слѣдуетъ вдоль береговъ рѣчки Пиръ-Базаръ, составляющей одинъ изъ рукавовъ р. Сефидъ-Рудъ. Полотно дороги на этомъ протяженіи, спроектированное слишкомъ низко, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ камня для верхней одежды, взамѣнъ котораго примѣнялся мѣстный гравій, было причиной неудовлетворительнаго состоянія дороги въ первые годы послѣ ея открытія. Пришлось поднять полотно и устроить верхнюю одежду запово. Эта послѣдняя работа еще не вполне окончена по настоящее время.

Гилянскій участокъ Энзели-Тегеранской дороги прорѣзываетъ низменную прибережную полосу съ рисовыми плантаціями, періодически искусственно заливаемыми водою. Рѣчка Пиръ-Базаръ, составляющая рукавъ большой рѣки Сефидъ-Рудъ, впадающей въ Каспій-

ское море, а равно много других разных названій рукавовъ этой рѣки, наконецъ цѣлая система оросительныхъ каналовъ, прорѣзываетъ мѣстность по разнымъ направленіямъ. Все это въ связи съ огромнымъ количествомъ выпадающихъ верхнихъ осадковъ, особенно въ періодъ дождей съ сентября по апрѣль, размягчаетъ почву и требуетъ особенныхъ мѣръ, непримѣняемыхъ въ Россіи, для поддержанія полотна и щебеночной одежды дороги.

Очаровательная живописная мѣстность Гиляна, чудная тропическая растительность, апельсиновые и масличныя рощи, богатая почва—все это казалось бы могло создать изъ этого уголка рай земной, если бы не жестокія маляріи, отъ которыхъ гибнетъ не только масса пришлаго рабочаго люда, но и мѣстныхъ жителей, среди этихъ послѣднихъ почти не видно здоровыхъ лицъ. Вся дорога, на протяженіи первыхъ 40 вер. отъ моря, усыяна по сторонамъ могилами, умершихъ отъ маляріи. Среди этихъ могилъ за послѣдніе мѣсяцы появилось очень много свѣжихъ-холерныхъ. Работать при такъ условіяхъ нашимъ инженерамъ и техникамъ не легко.

Дорога, достигнувъ подножья Рудбарскихъ горъ, подымается по долинѣ рѣки Сефидъ-Рудъ, затѣмъ по ущелью р. Шахъ-Рудъ, впадающей въ первую и, наконецъ, по ущелью р. Юзбашчай достигаетъ перевала на 160 в. Съ перевала дорога спускается къ Иранскому плоскогорью, по которому проходитъ до г. Казвина. Въ этомъ городѣ насчитывающемъ до 50.000 жит., помѣщается Управленіе дороги, территорія котораго составляетъ какъ бы отдѣльный русскій кварталъ, здѣсь же церковь и школа.

Казвинъ окруженъ садами, по преимуществу фисташковыми, и виноградниками. Дорога отъ Казвина до Тегерана пролегаетъ по совершенно ровной почти горизонтальной равнинѣ.

Описаніемъ и характеристикой города Тегерана я не буду утруждать ваше вниманіе, такъ какъ онъ извѣстенъ по многимъ описаніямъ.

Выше было указано, что Обществомъ Энзели-Тегеранской дороги получена концессія на Казвино-Хамаданскую дорогу.

Городъ Хамаданъ представляетъ собою весьма важный торговый центръ Сѣверной Персіи, поэтому устройство простой колесной дороги между Казвиномъ и Хамаданомъ представляется для поддержанія нашихъ торговыхъ интересовъ весьма важной мѣрой.

Казвино-Хамаданская дорога, имѣющая длину въ 218 вер., отдѣляясь отъ Энзели-Тегеранской у города Казвина, слѣдуетъ по равнинѣ Иранскаго плоскогорья на протяженіи около 60 вер.,

затѣмъ пересѣкаетъ хребетъ Чубукли-Дорэ и, спустившись въ долину р. Буюкъ-Чай, слѣдуетъ равниной до Хамадана.

Дорога прорѣзываетъ весьма плодородную живописную часть Иранскаго плоскогорья, деревни окружены фруктовыми садами и виноградниками. Хозяйство также основано на искусствѣнномъ орошеніи, которое, какъ выше сказано, доведено у персовъ до совершенства. Каждая, можно сказать, капля воды рѣкъ и рѣчекъ использована, воды много, но все-таки громадныя пространства остаются необработанными и стоятъ пустырями за недостаткомъ орошенія. Кромѣ пшеницы и ячменя сѣютъ хлопокъ и рици-нусъ, масло котораго употребляется по деревнямъ для освѣщенія.

Въ 80-ти верстахъ отъ Казвина Энзели Тегеранская дорога проходитъ у необыкновенно обильныхъ горячихъ сѣрныхъ источниковъ Абъ-Гермъ. Анализъ воды, произведенный у насъ въ Петербургѣ, показалъ сходство ея съ Ахенской, Пятигорской и Баденской подъ Вѣной. Источники усердно посѣщаются Персами, находящими здѣсь исцѣленіе отъ сифилиса, весьма среди нихъ распространеннаго, и ревматизма.

С. Н. Подгурскій.

26 Апрѣля 1905 года.

Городъ Іездъ *).

Доктора Н. Шеталова.

Проведя въ гор. Іездѣ около 16 мѣсяцевъ (съ Марта 1898 г. по Іюль 1899 г.), я имѣлъ возможность ознакомиться съ городомъ, какъ съ внѣшнимъ его обликомъ, такъ и съ внутренней его жизнью.

Хотя, въ виду специальныхъ цѣлей моей командировки, я занимался преимущественно другими вопросами, а не изслѣдованіемъ страны, но все же у меня накопилось довольно много замѣтокъ, изъ которыхъ составилъ настоящій очеркъ.

Надлежащей подготовки я не имѣлъ, но передъ этой поѣздкой я провелъ около 5 лѣтъ въ Средней Азіи и былъ немного знакомъ съ бытомъ мусульманскаго востока и даже зналъ немного персидскій языкъ. Въ самой Персіи я имѣлъ при себѣ книги: G. N. Corzon. „Persia and the persian question“, „Поѣздка по восточной Персіи въ 1894 г. Пор. Баумгартена“ и статью шт.-кап. Туманскаго „Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно въ 1894 г.“ (Сб. геогр., топогр., и статист. мат. по Азіи, вып. LXV). Эти книги дали мнѣ возможность ориентироваться въ обстановкѣ.

Всѣ свѣдѣнія получались мною отъ мѣстныхъ жителей, преимущественно отъ бабистовъ, среди коихъ мнѣ приходилось болѣе всего вращаться.

Конечно, вполне полагаться на ихъ показанія я не могъ, ибо если Европа—страна условной лжи, то Персія, несомнѣнно, есть страна безусловной лжи. Я не только пользовался книгой Schlimmer'a „Terminologie médico-pharmacentique“, но многократно старался провѣрять приводимыя свѣдѣнія; и въ послѣдующемъ я всегда старался отграничить то, что можно найти въ литературѣ, что я видѣлъ самъ и что мнѣ говорили; и даже, въ послѣднемъ случаѣ, кто мнѣ это говорилъ и насколько этому можно вѣрить.

Быть можетъ, приводимыя свѣдѣнія покажутся сухими, скудными и даже отрывочными, но я предпочиталъ давать возможно точныя и провѣренныя, хотя-бы и неполныя данныя.

*) Авторомъ приложены къ труду: планъ города, многочисленныя фотографіи и снимки съ разнаго рода надписей. Весь этотъ матеріалъ переданъ на разсмотрѣніе въ Академію Наукъ.

Въ заключеніе, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ указать, что часть моихъ свѣдѣній приведена у П. А. Риттиха ¹⁾, въ его большомъ отчетѣ о поѣздкѣ по Персіи съ инж. Саханскимъ, на основаніи моихъ письменныхъ донесеній въ Имп. Россійскую Миссію въ Тегеранѣ.

Н. Шеталовъ.

Древность города.

Вдаваться въ исторію города Іезда я, конечно, не могу, но хотѣлъ-бы указать на одинъ интересный фактъ, связанный съ древней исторіей города. Именно у Curzon'a (II, стр. 238, прим.) и у Elisée Réclus (Nouvelle Georg. Universelle. IX., стр. 271) упоминается, что первый городъ Іездъ носилъ названіе „Эшкезаръ“. По рассказамъ мѣстныхъ гебровъ, городъ Іездъ былъ тамъ, гдѣ теперешній Мейбудъ.

Разсказываютъ, что Іездигердъ (неизвѣстно который) страдалъ кровотеченіемъ; послѣ безуспѣшнаго леченія ему посовѣтовали путешествовать; и вотъ на одной изъ стоянокъ, въ селеніи, принадлежащемъ одному изъ его министровъ (Мобедъ) онъ исцѣлился и въ память этого событія, назвалъ это мѣсто Іездомъ и основалъ здѣсь городъ ²⁾.

Насколько эта легенда правдива, сказать, конечно, трудно; но изъ нея, равно какъ изъ указаній Curzon'a и Réclus, что Іездъ находился раньше на мѣстѣ Эшкезара, вытекаетъ тотъ интересный фактъ, что городъ Іездъ переносился съ запада на востокъ, а не наоборотъ, какъ это установлено для Мерва, Балха и Нишаптра (В. Бартольдъ. Историко-геогр. обзоръ Ирана. СПб 1903 стр. 29 и 69).

Ниже, при описаніи города, мы увидимъ подтвержденіе того же факта въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Меня интересовалъ вопросъ болѣе для меня доступный, именно, насколько старъ настоящій городъ.

Хотя Ханыковъ, а за нимъ и Бартольдъ (стр. 113) самымъ древнимъ памятникомъ Іезда считают мечеть Миръ—Чакмакъ

¹⁾ П. А. Риттихъ. Отчетъ о поѣздкѣ въ Персію и Персидскій Белуджистанъ въ 1900 г., ч. I и II. Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба С.П.Б. 1901 годъ.

²⁾ Не говоря уже о поразительномъ сходствѣ построекъ въ Мейбудъ и въ Іездихастъ, укажу еще на то, что въ Мейбудъ чеканились сасанидскія монеты временъ Хосро II. Dr. A. D. Mordtmann. The Chronology of Sassanians. 1871.

(699 г. Гиджры—1299 г. п. Р. Х.), но это, конечно, далеко еще не опредѣляетъ возраста города.

У Ханыкова имѣется слѣдующее интересное указаніе; онъ пишетъ:

„Истахри и почти всѣ восточные географы (см. Barbier de Meynard, Dict. géogr. de la Perse, p. 611) говорятъ, что главнымъ „городомъ Іездской провинціи является городъ Ketéh); но такъ „какъ въ настоящее время ни одно мѣстечко въ окрестностяхъ „Іезда не носитъ этого названія, то я полагаю, что по описанію, „которое Истахри даетъ городу Ketéh или Houma Jezd (см. Buch „der Länder p. 68), позволительно думать, что онъ называлъ „такимъ образомъ и донынѣ существующій гор. Іездъ. Онъ „говоритъ, что цитадель гор. Ketéh или Ketha имѣла только „двое воротъ, изъ коихъ одни назывались „porte d'Aberd, а „другія—„porte de la Mosquée“. Эти послѣднія ворота находились „въ сосѣдствѣ съ главною мечетью, расположенной внутри „укрѣпленной ограды, и все это, какъ объ этомъ можно судить „по прилагаемому плану, вполнѣ точно сходится и въ наши дни“. (N. de Khanikoff. Mémoire sur la pastre mérid. de l'Asie Centrale стр. 200—203).

Curson (II стр. 240) прямо говоритъ, хотя, очевидно, исклю- „чительно на основаніи лишь литературныхъ данныхъ: the town „is divided into two parts—the Old and the New-separated by a „wall with two gats“.

Я долженъ замѣтить, это замѣчаніе Ханыкова подтвер- ждается тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ 6 воротъ, ведущихъ во внутренній городъ (Маламиръ, Наккара-Хане, Хазирэ, Мехризъ, Шахи и Кушки-Ноу), только двое воротъ имѣютъ узорчатую обивку съ выпуклыми фигурами, именно вор. Мехризъ, черезъ которая идетъ дорога къ Месджидъ Джуліэ (повидимому, это—la porte de la Mosquée) и ворота Хазирэ (до 1893 г. бывшія ворота Наккаре Хане). На послѣднихъ воротахъ—Хазирэ—мы находимъ еще одно, еще болѣе цѣнное указаніе, именно куфическую надпись, вырѣзанную на металлической полосѣ, тянущейся поперекъ воротъ. Надпись эта, снятая мною возможно тщательно и неоднократно провѣренная и исправленная, по чтенію проф. П. М. Меліоранскаго, содержитъ нѣсколько собственныхъ именъ и конецъ даты, относящейся къ четырехсотымъ годамъ Гиджры. Надо замѣтить, что хотя надпись эта рѣзана куфическимъ шрифтомъ, но встрѣчающіяся тамъ кривыя линіи вырѣзаны твердо и правильно, что даетъ поводъ думать, что надпись эта относится ко времени, когда куфическій шрифтъ былъ еще общеупотребительнымъ.

Отмѣчу тутъ-же, что Зіареть Миръ Рукіэддинъ, расположенный вблизи Месджидъ Джуліа, по словамъ жителей, имѣетъ дату 457 Гиджры.

Можно думать, что Истахри, путешествовавшій въ X вѣкѣ, видѣлъ эти самыя ворота и этотъ самый городъ Іездъ.

Записывая, во время прогулокъ, даты зданій, развалинъ, памятниковъ, надгробій и т. п., я получилъ слѣдующую сводку наиболѣе старыхъ датъ.

XIV-й вѣкъ:		
Мечеть Миръ Чакмакъ	699 г. Гиджры	по Ханыкову.
Месджидъ Джуліа (дата шестой обшивки) . .	730 г. „	по слов. жителей.
Надгробіе у меч. Шейхъ-Дадъ	756 г. „	чтен. переводчика
Мечеть Девазде Имамъ	757 г. „	по слов. жителей.
Надгробіе внутри Зіарета Миръ Шейхъ-Ахмедъ	779 г. „	видѣлъ самъ.
Камень въ стѣнѣ базара Баги Гяндумъ	782 г. „	по чтенію жител.
XV-й вѣкъ:		
Надпись на частн. домѣ въ кв. Базаръ-и-Ноу	875 г. „	видѣлъ самъ.
Развалины съ мозаикой позади пл. Мейдане-Шахъ	892 г. „	видѣлъ самъ.
Надгробіе у меч. Шейхъ-Дадъ	896 г. „	чтен. переводчика
XVI-й вѣкъ:		
Мечеть Султанъ Суффетъ	952 г. „	по слов. жителей.
Надгробіе у меч. Шейхъ-Дадъ	987 г. „	чтен. переводчика
Абамбаръ Чугуръ (кв. Баги Гяндумъ)	971 г. „	видѣлъ самъ.
Гранитн. надгробіе въ кв. Бульмири	984 г. „	видѣлъ самъ.
XVII-й вѣкъ:		
Фаянсовые таблички у Кадемчи	1038 г. „	} видѣлъ самъ.
Муртуза Али	1081 г. „	
	1095 г. „	

Тоже у Имамзаде Джафаро	1106 г. „	} чтен. переводч.
„ у меч. Шейхъ-Дадъ	1027 г. „	
Надгробіе у меч. Султанъ Суффатъ	1048 г. „	
Надгробіе у меч. Миръ Чакмакъ	1102 г. „	видѣлъ самъ.
Надгробіе на кладбищѣ Джубхурхуръ	1086 г. „	видѣлъ самъ.
Фаянсовая табличка у камня на баз. Баги Гандули	1082 г. „	видѣлъ самъ.

Долженъ оговориться, что какъ я, такъ и переводчикъ могли читать лишь даты, писанныя цифрами, причемъ переводчикъ, какъ мусульманинъ, могъ заходить и во внутренность мечетей и зиаретовъ, что мнѣ удавалось не всегда; показанія переводчика можно считать надежными, чего я не могу сказать про чтеніе жителей, которые, напр., очень плохо разбирали квадратный шрифтъ, а куфическій и совсѣмъ читать отказывались.

Изъ сопоставленія этихъ датъ можно вывести, что въ XIV и XV вѣкѣ несомнѣнно существовали, какъ внутренній городъ такъ и западная часть внѣшняго города, гдѣ и сосредоточиваются почти всѣ старые памятники.

Въ 1474 г. Іездъ посѣтилъ венеціанскій путешественникъ Jostafa Barbaro, который нашелъ, по Surzon'у (II. 239, прим. что Іездъ окруженъ стѣною, протяженіемъ въ 5 миль.

Очевидно, что въ XV вѣкѣ Іездъ уже былъ крупнымъ городомъ *), который съ тѣхъ поръ выросъ сравнительно незначительно; по моимъ измѣреніямъ окружность всего города около 9 верстъ.

Расположеніе города.

Іездъ расположенъ на равнинѣ, ограниченной съ сѣвера горнымъ массивомъ Тарунэ, а съ юга Ширъ-Кухомъ. Общій уклонъ почвы, слегка всхолмленной, идетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ.

На планѣ города это замѣтно по расположенію полей, которыя, какъ нуждающіяся въ поливкѣ, расположены въ наиболѣе

*) Марко Поло („Путешествіе М. Поло“, пер. И. П. Минаева, Записки Импер. Геогр. Об-ва по отд. этнограф., томъ 26) пишетъ: „Глава XXXIV. Здѣсь описывается городъ Язди—Язди въ самой Персіи; это красивый городъ, „большой, торговый. Много шелковыхъ тканей тутъ выдѣлывается, называютъ ихъ „язди“; купцы торгуютъ ими съ большей прибылью по разнымъ странамъ. Народъ молится Мухаммеду“.

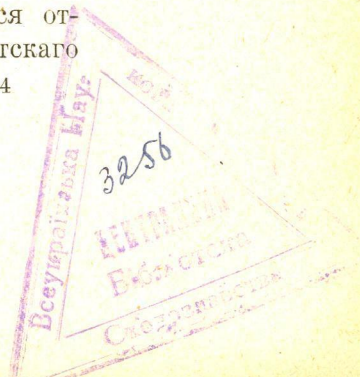
низменныхъ мѣстахъ, на сѣверо-западъ отъ Іезда и отъ селеній, по ходу канатовъ (кяризовъ).

Только къ югу отъ сел. Муріабадъ и отъ вор. Куду-Реренгъ имѣются поля, повидимому, не соотвѣтствующія этому правилу; но это противорѣчіе объясняется конфигураціей почвы, именно ея всхолмленностью. Складки почвы, довольно пологія, но все же возвышающіяся на 2—3 сажени надъ мѣстнымъ горизонтомъ, особенно выражены къ востоку отъ Іезда. Селеніе Муріабадъ стоитъ на небольшомъ холмѣ, отъ сел. Мехдіабадъ до Іезда тянется складка, могущая скрыть всадника, и самъ гор. Іездъ расположенъ à cheval на холмѣ, наиболѣе выраженномъ въ восточной части города (на что указываетъ и названіе кв. Талль). Длинникъ этой складки идетъ приблизительно отъ кв. Пуште Ханъ-Али къ кв. Шейхъ-Дадъ, Южные и юго-западные кварталы, если смотрѣть на нихъ отъ сел. Хуррамшѣхъ, представляются, какъ на ладони. Съ другой стороны и сѣверные кварталы также расположены ниже главной массы города. Напр., въ джубѣ кладбища Джубхурмуръ вода находится на 14 метровъ ниже поверхности земли, а около Хусейнъ Маламиръ она ниже мѣснаго горизонта всего лишь на 3 метра, въ Абинитрѣ же вода течетъ прямо по поверхности земли, въ видѣ открытаго арыка; утверждаютъ, что это одинъ и тотъ-же джубъ.

Всхолмленность почвы обуславливаетъ и тальвегъ между городомъ, сел. Куча-Біокъ и сел. Сери-Ду-Ра; здѣсь находится сухое русло, которое Баумгартенъ (стр. 125) называетъ „русломъ ручья Ширъ-Кухъ, получающаго начало въ горахъ южнѣе „Тафта“ и замѣчаетъ еще, что это русло наполняется въ зимнее время.

Русло это, правда, по отношенію къ мѣстному горизонту около Іезда сильно углублено, такъ что недалеко отъ вор. Доулетабадъ черезъ него перекинуть каменный (въ одну арку) мостъ, подъ которымъ можно проѣхать верхомъ, но, если прослѣдить его къ югу, по направленію къ Тафту, то русло это начинаетъ вѣтвиться, мельчать, расширяться и, наконецъ, сходить на нѣтъ, сливаясь съ поверхностью почвы, Затѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ, къ югу отъ сел. Абшей, можно встрѣтить между складками мѣстности, подобныя же русла, большаго или меньшаго протяженія, начинающіяся и кончающіяся на нѣтъ. Прямого продолженія этого русла, хотя бы въ одной его вѣтви, вплоть до Тафта, прослѣдить мнѣ не удалось.

Поэтому мнѣ думается, что въ этихъ руслахъ правильнѣе видѣть не остатки горнаго ручья, а временно наполняющіяся отводныя каналы для силевыхъ водъ, выходящихъ изъ Тафтскаго

ущелья *). При мнѣ, за 1¹/₄ года времени, какъ это русло, такъ и Тафтское ущелье ни разу не наполнялись водой.

Къ сѣверу отъ города, почва понижается довольно значительно, и за сел. Садрабадъ, въ углубленіи почвы, видны песчаные барханы, тянущіеся до сел. Гимметабадъ и засыпающіе Эшкезаръ.

По поводу этихъ песчаныхъ наносовъ я долженъ сказать нѣсколько словъ въ опроверженіе сложившагося мнѣнія, что Іездъ засыпается пескомъ, подобно тому, какъ былъ засыпанъ Эшкезаръ (см. у Elisée Réclus, l. c, стр: 271—„les quartiers sont ainsi menacés de disparaître comme a disparu une première cité de Yezd, appelée aussi Askizar“).

Но Curzon'у (II, стр. 244), E. Stack („Six Months in Persia—1882 г. *) приводитъ пророчество мѣстнаго святого, пророчество конца „XVIII вѣка, что „Исфаганъ погибнетъ отъ воды, Іездъ отъ песку „а Кирманъ отъ лошадиныхъ копытъ“.

Подобное предсказаніе персидскаго святого, по моему, еще далеко не является достаточнымъ основаніемъ, чтобы говорить о „грозныхъ наносахъ песка,“ (Баумгартенъ, стр. 131), угрожающихъ засыпать городъ **).

Правда, поверхностному наблюдателю можетъ показаться, особенно подъ впечатлѣніемъ словъ Réclus, что городъ заносится пескомъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, получается другая картина.

Вокругъ города не мало холмовъ, которые могутъ показаться барханами, но на дѣлѣ, не говоря уже объ отсутствіи характерной полудунной формы, эти холмы состоятъ изъ глины и являются просто складками почвы, занесенными только сверху на 2—3 вершка пескомъ. Затѣмъ, можно было-бы, ожидать, что пески наступаютъ съ СЗ, отъ Эшкезара. На дѣлѣ же отложения

*) По послѣднимъ изслѣдованіямъ средне-азиатскихъ пустынь, такіа русла, какъ напр. Узбой, считаются продуктомъ выдуванія почвы вѣтрами. Не думаю, чтобы такое объясненіе было приложимо и къ данному руслу: противъ этого говоритъ присутствіе въ немъ гальки, которой вообще много между Тафтомъ и Іездомъ и, кромѣ того, наличие моста вблизи вор. Доулетабадъ.

**) При чтеніи Stack'a въ подлинникѣ (стр. 205) становится понятнымъ почему онъ заинтересовался этимъ прорицателемъ: „Shah Niamet Khan, the holy „man of Mahun (около Кирмана), who lived a hundred years ago... foretold or foreshadowed in some fashion the Indian Mutiny“... Но далѣе, говоря, что по легендѣ, Исфаганъ погибнетъ отъ воды, идущей изъ Кирмана, онъ даетъ этому предсказанію надлежащую оцѣнку. Баумгартенъ же принимаетъ его въ серьёзъ, отнесясь къ дѣлу безъ надлежащей критики.

песку можно видѣть со всѣхъ сторонъ города, что особенно замѣтно вокругъ сел. Муриабадъ. Наносы эти незначительны. Наибольшій наносъ—въ $3\frac{1}{2}$ метра высотой, я видѣлъ у каравансарая Джаннетабадъ, къ сѣверу отъ кв. Сери Джамъ. Но, конечно, надо принять во вниманіе время, потребовавшееся для скопленія этого наноса. Абабаръ у каравансарая Джаннетабадъ датированъ 1180 г. Гиджры (1766 г. п. Р. Х.).

Если же мы примемъ во вниманіе, что городъ Іездъ стоитъ на этомъ мѣстѣ почти тысячу лѣтъ (въ 1474 г. имѣлъ окружность въ 5 миль), если не больше, то вопросъ о заносѣ его пескомъ является не заслуживающимъ почти никакого вниманія, особенно если вспомнить, съ какой быстротой двигаются настоящіе барханы и дюны.

Какъ мѣстный примѣръ, приведу мечеть, стоящую около СЗ вѣзда въ сел. Эшкезаръ. По словамъ гебровъ, до 1882 г. на ея мѣстѣ находился песчаный барханъ, который понемногу передвигался и черезъ 16 лѣтъ мечеть, обыкновенныхъ для персидскихъ селеній размѣровъ, вполне освободилась отъ песку.

Баумгартенъ, въ подтвержденіе своего замѣчанія о „грозныхъ наносахъ песку“ приводитъ (стр. 126), что „регулярные вѣтры дуютъ вдоль Іездской равнины въ теченіе лѣтнихъ и зимнихъ мѣсяцевъ, съ страшной силой, по направленію съ СЗ. Лѣтомъ они приносятъ въ городъ цѣлыя тучи песку; часто солнечный свѣтъ исчезаетъ за ними, песокъ проникаетъ во всѣ комнаты, набивается въ ковры, постель, посуду. Высокіе бадгиры (башни-вентиляторы) *нерѣдко* разрушаются подъ внезапнымъ напоромъ урагана, послѣ чего городъ имѣетъ печальный видъ, какъ будто здѣсь прошло землетрясеніе или смерчъ“.

Если описаніе песчанной бури и сдѣлано довольно вѣрно (подобную бурю я наблюдалъ 22 Марта 1898 г., съ 5 ч. до 9 ч. вечера, въ Гимметабадѣ), но все же я долженъ внести существенную поправку.

Ведя въ теченіе $1\frac{1}{4}$ года пребыванія въ Іездѣ метеорологическія записи, я долженъ сказать, что въ самомъ Іездѣ такія продолжительныя бури бывають *редко*. Кромѣ указанной выше бури, видѣнной мною въ Гимметабадѣ, на самой границѣ песковъ, у меня отмѣчены: 10-го Февраля 1899 г. сильный ураганъ цѣлый день, отъ котораго чувствовались сотрясенія бадгира; 11-го Марта 1899 г. была песчанная буря съ 3 ч. 35 м. дня до 4 ч. 5 м. дня. 14-го Апрѣля 1900 г. П. А. Риттихъ (Поѣздка въ Персію и Персидскій Белуджистанъ въ 1900 г.—отд. от. изъ. Изв. Имп. Русск. Геогр. О-ва, Т. XXXVIII, вып. I, стр. 20—21) наблюдалъ такую-же

песчанную бурю въ Іездѣ съ 5 ч. веч. до 5¹/₂ ч. веч., причемъ отмѣчаетъ, что „явленіе это“, по словамъ коммерческаго агента, „бываетъ только въ Апрѣлѣ и въ Маѣ“.

Словомъ, такія бури бываютъ рѣдко и ставятъ имъ на счетъ занесеніе города пескомъ положительно невозможно.

Равнымъ образомъ, по моимъ наблюденіямъ, регулярные вѣтры дуютъ не вдоль долины, а съ сѣвера (преимущественно днемъ) и съ юга (преимущественно вечеромъ), что съ точки зрѣнія метеорологической вполне понятно, принимая во вниманіе разницу нагрѣванія равнины и массива Ширъ-Куха съ снѣговыми залежами на сѣверномъ его склонѣ.

Не могу не упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельстве. Нерѣдко мнѣ приходилось видѣть, какъ массивъ Тарунэ, такъ и Ширъ-Кухъ задерживаютъ пыльнымъ облакомъ. Иногда можно было видѣть, что отъ Тафта идетъ туча пыли, но въ виду, очевидно, конфигураціи ущелья, эта пыльная туча всегда почти проходила значительно восточнѣе города.

Резюмируя сказанное, нельзя не придти къ выводу, что легенда о засыпаніи Іезда пескомъ не выдерживаетъ критики.

Раздѣленіе города.

При описаніи раздѣленія города приходится съ самаго начала столкнуться съ неточностями.

Ханыковъ, давшій планъ города, говоритъ только о цитадели соединенной съ городомъ двумя воротами.

Curzon, всегда точный въ своихъ описаніяхъ, но самъ въ Іездѣ не бывшій, пишетъ съ чужихъ словъ (II. 240): „городъ дѣлится на двѣ части—старую и новую—раздѣленные стѣною съ двумя воротами. *Старый* или *южный* городъ имѣетъ 7 кварталовъ и 3 воротъ; *новый* или *сѣверный* городъ имѣетъ 6 кварталовъ и 5 воротъ“.

Баумгартенъ, бывшій въ Іездѣ, но строго придерживающійся описаній Curzon'a, говоритъ (стр. 133): „къ *новому* городу принадлежатъ (кварталы) 1) Тэлль, 2) Пуштэ-Ханэ-Али, 3) Шехръ-Багъ, 4) Гузарчакъ, 5) Мирчакмакъ, 9) Хаджэ-Хезэръ, 7) Тебризіунъ, 8) Мусалла, 9) Пуштэ-Багъ, 10) Мейдапъ-э-Шахъ и слѣдующія ворота: 1) Даулетабадъ, 2) Муссала, 3) Пуштэ-Багъ, 4) Пуштэ-Ханэ-Али, 5) Кассабани. Въ *старомъ* городѣ слѣдующіе кварталы: 1) Бульмири (Абуль-Махалля), 2) Багъ-э-Гендумъ,

„3) Шейхъ-Дадъ, 4) Шахъ-Абиль-Казымъ, 5) Кушкъ-и-Ноу, 6) Базаръ-и-Нау, 7) Кель'э-и Кохнэ, и слѣдующія ворота: 1) Шахи, 2) Мехризъ, 3) Наккара-Ханэ. — *Старый и новый городъ соединяются двумя воротами Маламиръ и Кушкъ-и-Ноу*“.

Выше онъ пишетъ:

„Въ сѣверо-восточномъ углу городской ограды, на слегка командующей высотѣ, расположенъ аркъ, или цитадель, окруженный высокой, глиняной, зубчатой стѣной съ нѣсколькими башнями и двумя воротами, ведущими въ старый городъ. Старый городъ, какъ и цитадель, обнесены стѣною и соединяются съ новымъ городомъ двумя воротами. *Новый городъ расположенъ съвернѣе и занимаетъ площадь версты три въ длину и около 1³/₄ версты въ ширину. Онъ не окруженъ оградой и имѣетъ видъ еще не оконченнаго строящагося селенія*“.

Если провѣрить это описаніе по снятому мною плану, то получится изрядная путаница.

Если кварталы Бульмири, Баги-Гяндумъ, Шейхъ-Дадъ, Шейхъ-Абуль-Касимъ, Кушки-Ноу, Базаръ-и-Ноу и Кала-Кохнэ, т. е. часть города, лежащая сѣвернѣе телеграфной линіи, пересѣкающей городъ, относится къ *старому* городу, то вор. Кушки-Ноу, находящаяся *между* этими кварталами, не могутъ вести изъ *новаго* города въ *старый*.

Затѣмъ *новый* городъ, кварталы и ворота коего Баумгартенъ перечисляетъ довольно правильно и размѣры коего указаны такъ же вѣрно, не можетъ быть *сѣвернѣе стараго* города, какъ это видно изъ плана.

Curzon, не бывшій самъ въ Іездѣ, очевидно, впалъ въ ошибку на которую онъ указываетъ самъ при описаніи Мешеда (I, стр. 151, прим. 2):

„Eastwick... seems, by some strange error, to have reversed of „the compass turning north into south...“).

Баумгартенъ, собравши на мѣстѣ довольно вѣрныя свѣдѣнія, не узнавъ этой ошибки и въ результатѣ далъ сбивчивое описаніе.

По моему мнѣнію, дѣленіе на новый и старый городъ мало состоятельно, какъ по отсутствію историческихъ доказательствъ, такъ и сбивчивости названій — въ старомъ городѣ наряду съ Кала Кохнэ, есть кв. Кушки-Ноу и Базаръ-и-Ноу.

Правильнѣе было-бы различать: 1) внутренній городъ — шехръ — дерунъ (ср. Бартольдъ, стр. 19), на что указываетъ названіе

*) Ориентировка плана Ханыкова вполне совпадаетъ съ моимъ планомъ.

квартала Юзерунъ или Юздерунъ — испорченное Іездъ-де-рунъ, 2) внѣшній городъ, охватывающій первый городъ съ трехъ сторонъ и окруженный стѣной, и 3) пригороды, расположенные внѣ этихъ обоихъ городовъ (Маламиръ, Абишуръ, часть кв. Пуште-Ханъ-Али и т. п.) и на селенія, окружающія Іездъ.

Дѣленіе на кварталы или урочища.

Здѣсь мы снова наталкиваемся на нѣкоторые недоразумѣнія, выполнѣ, впрочемъ, понятныя при персидскихъ порядкахъ.

По европейскимъ понятіямъ, дѣленіе на кварталы есть дѣленіе на административные участки.

Въ Іездѣ же кварталы представляются не столько административными частями города, сколько урочищами, ведущими свое наименованіе отъ имени мечети, зданія, площади, профессіи жителей и т. д.

Этотъ взглядъ подтверждается немного, на первый взглядъ, страннымъ распредѣленіемъ кварталовъ между кетхудами, которыхъ при мнѣ въ городѣ было 11 человѣкъ.

Напримѣръ, одинъ кетхуда вѣдалъ кв. Леби-Хандакъ и кв. Шейхъ-Абуль-Касимъ; другой вѣдалъ кв. Базаръ-и-Ноу и кв. Маламиръ; третій вѣдалъ кв. Сери Джамъ, кв. Баги-Гянбумъ, Шейхъ Дадъ и Бульмири; кварталъ же Газурга былъ раздѣленъ между двумя кетхудами, причемъ одинъ изъ нихъ въ тоже время вѣдалъ кв. Таалъ, а другой кв. Пири-Бурчъ, Хазирэ и Джузарчъ.

Словомъ, административное дѣленіе города не совпадаетъ съ названіями урочищъ и вызывается, повидимому, относительнымъ благосостояніемъ жителей (напр., западные кварталы — старые, пустынные и заброшенные, а въ кв. Газурга живутъ преимущественно богатые люди), а посему и составляетъ секретъ администраціи.

Curzon (II 240) придерживаясь, очевидно, административнаго дѣленія, т. е. числа кетхудовъ, говоритъ, что Іездъ раздѣленъ на 13 кварталовъ.

Баумгартенъ-же (стр. 133) насчитываетъ 17 кварталовъ. Последнее число имѣетъ слѣдующее объясненіе.

По словамъ Іездскихъ жителей, Шахъ Аббасъ Великій, занимавшійся, какъ извѣстно, расселеніемъ разныхъ племенъ по всей Персіи, переселилъ и въ Іездъ часть жителей гор. Ка-

шана и обратно, такъ что въ однихъ городахъ одна половина города оказалась населенною сектою Хейдари, а другая—сектою Неэметй.

Въ Іездѣ для каждой секты было отведено по 9 кварталовъ, причемъ восточная половина города, считая отъ центральнаго базара, была населена сектою Хейдари, которая пользуется для религіозныхъ празднествъ площадью Миръ Чакмакъ, а западная, съ площадью Мейдане Шахъ, принадлежитъ сектѣ Неэмети. Это раздѣленіе сохранилось и донынѣ.

Если вѣрить этой легендѣ, то дѣленіе города на 17, или, вѣрнѣе, 18 кварталовъ, имѣетъ извѣстное историческое значеніе.

Въ настоящее время, какъ я уже говорилъ, трудно установить административное дѣленіе города, почему я намѣчалъ не столько административные кварталы, сколько просто урочища въ смыслѣ топографическомъ.

Итакъ, принимая за основу раздѣленія города исключительно лишь топографію, мы можемъ насчитать слѣдующія урочища.

Во внутреннемъ городѣ:

- 1) Кала Кохнэ (съ аргомъ)
- 2) Базаръ-и-Ноу
- 3) Юзерунъ или Юздерунъ
- 4) Кушки-Ноу
- 5) Шейхъ-Абуль-Касимъ
- 6) Уаръ-Су съ еврейскимъ Яхуди-Ханэ и съ Даръ-уль-Шафэ.

Во внѣшнемъ городѣ:

- 1) Сери Джамъ
- 2) Шейхъ-Дадъ
- 3) Баги Гяндумъ
- 4) Бульмири
- 5) Сери-Плукъ
- 6) Леби Хандакъ
- 7) Мейдане Шахъ съ участкомъ Шейхъ-Абуль-Каюмъ
- 8) Баги Сендэль
- 9) Баги Даулетабадъ
- 10) Чаръ Минаръ
- 11) Гаудале Мусалла
- 12) Пуште Багъ
- 13) Сахне Али съ участкомъ Деххокъ около воротъ Куду Ференгъ
- 14) Джузарчъ

- 15) Хазирэ
- 16) Пири Бурчъ
- 17) Газурга
- 18) Шехръ Багъ
- 19) Ходжа Хызръ
- 20) Кассабанъ, участ. Шешбадгиръ
- 21) Таллъ
- 22) Сери Таллъ
- 23) Пуште Ханъ Али или Мюхалла Гебраха или Мо-
халла Бузиха.

Къ городу причисляются также:

- 1) Маламиръ
- 2) Абишуръ или Салгирабадъ
- 3) Сери Сенгъ
- 4) Ягуби.

Воротъ я могъ насчитать самъ 17, ихъ нѣхъ 6 во внутреннемъ городѣ (Кушки-Ноу, Шахи, Мехризъ; Хазирэ, Наккара-Ханэ, Маламиръ), и 11 во внѣшнемъ городѣ (Мешедскія ворота; Шейхъ Дадъ, Бульмири, Доулетабадъ, Мусалла, Пуште-Багъ, Куду Ференгъ, Ходжа Хызръ, Кассабанъ, Заду-Маргъ, Кушкъ.)

Городъ въ общихъ чертахъ.

Сначала необходимо сказать два слова о развалинахъ гор. Іезда. По Curzon'у (II. 239): „all around the city, *which evidently once covered a much larger surface*, lie acres encumbered with ruin“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Curzon, говоря о „значительно большей площади, занимаемой городомъ прежде“, впадаетъ въ общую для европейцевъ ошибку, указанную еще Elisée Réclus: именно упускаетъ изъ виду характерную особенность жителей Средней Азіи бросать старыя жилища и строть себѣ новыя (Жуковский *), стр. 115).

Напротивъ, надо сказать, что городъ, судя по занимаемой площади, скорѣе увеличился. Если въ XV-мъ вѣкѣ Josafa Barbaro видѣлъ стѣну окружностью въ 5 миль, т. е. около 7¹/₂ верстъ, то теперь окружность стѣны внѣшняго города (фіолетовая линія на

*) В. А. Жуковский. Древности Закаспійскаго края. Развалины стараго Мерва. СПб. 1894 г.

планѣ) разнится 9 верстамъ, а окружность города съ кв. Пуште-Ханъ-Али и Сери Талль и того больше.

По площади городъ увеличился, но и тутъ наблюдается описанное Жуковскимъ (I. с., стр. 115) и Бартольдомъ (I. с. 29 и 69) явленіе передвиженія города, если взглянуть въ расположеніе его развалинъ.

Развалины домовъ, воротъ, зіаретовъ бросаются въ глаза путешественнику въѣзжающему въ городъ со стороны Нанна. Если же въѣзжать съ восточной стороны, то впечатлѣніе получается обратное.

Какъ мы уже видѣли, наиболѣе старыми являются западные кварталы, гдѣ и можно видѣть наиболѣе древніе памятники.

Если взглянуть на планъ, то можно видѣть, какъ жилища строеніе западныхъ кварталовъ отступили отъ стѣны внѣшняго города.

Если около башни Бурчъ-Алаяръ-Ханъ, мѣстность занята еще остатками строеній, то уже въ Баги-Сендаль находится прямо таки поле—внутри городской черты.

Зато восточная часть города вышла изъ предѣловъ городской черты.

Западные кварталы являются затѣмъ наиболѣе бѣдными и заброшенными, между тѣмъ какъ въ кв. Талль, Газури и Пуште-Ханъ-Али много новыхъ построекъ и широкія, болѣе прямые улицы.

Очевидно, что городъ передвигается, но въ противоположность другимъ городамъ (Мервъ, Балхъ, Нишануръ), передвигается съ запада на востокъ.

Причины такого перемѣщенія указать трудно.

Первое впечатлѣніе, что городъ отступаетъ передъ пескомъ; но какъ мы уже видѣли, эта легенда не выдерживаетъ критики.

Гебры утверждаютъ, что это зависитъ отъ вытѣсненія гебровъ на восточную окраину.

Вѣрнѣе думать, что перемѣщеніе идетъ по ходу канатовъ (керизовъ)—вверхъ по теченію. Этимъ отчасти можетъ объясняться разрастаніе города въ двѣ стороны—южную и юго-восточную—по ходу двухъ главныхъ направленій канатовъ—изъ Тафта и изъ Мехриза.

Стѣны города. Стѣна внутренняго города, будучи стѣною цитадели, и построена и сохранилась гораздо лучше, чѣмъ стѣна внѣшняго города.

Она заслуживаетъ вниманія, благодаря слѣдующей особености. Въ то то время, какъ другія персидскія и среднеазиатскія стѣны по своей толщинѣ могутъ выдержать и артиллерійскій

огонь, но рассчитаны лишь на пассивную оборону, представляя собою простые четырехугольники, стѣна внутренняго Іезда выстроена съ несомнѣннымъ знаніемъ фортификаціи, съ расчетомъ на активную оборону и въ то же время эта стѣна поразительно тонка. Это заставляетъ думать, что она была выстроена до введенія артиллеріи, а если это такъ, то это признакъ ея сравнительно большой древности.

Высота стѣнъ, по Surzon'у (II. 240) въ мѣстѣ расположенія арга—30—40 фут.; прочая же стѣна внутренняго города немного ниже. И при такой высотѣ, у основанія толщина стѣны, по моему непосредственному измѣренію въ имѣющихся брешахъ, не превышаетъ одного метра. Стѣна такой толщины, при указанной высотѣ, хотя кверху и становится все тоньше, но едва-ли могла-бы держаться сама по себѣ и поэтому снутри устроены многочисленные (черезъ каждые 15—20 шагомъ) контрфорсы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти контрфорсы сохранились вполнѣ, они, не доходя до самого верха стѣны, соединяются вверху арками, поверхъ которыхъ образуется валгангъ, гдѣ могутъ располагаться стрѣлки, стрѣляющіе изъ верхняго ряда бойницъ.

Между контрфорсами, въ нишахъ, также устроены площадки, на 2—3 аршина надъ мѣстнымъ горизонтомъ. Въ этихъ нишахъ также могутъ помѣщаться стрѣлки для втораго ряда бойницъ.

Стѣна не идетъ по прямой линіи, но даетъ цѣлый рядъ мелкихъ изломовъ, которые отчасти намѣчены на планѣ Ханыкова.

Затѣмъ, черезъ каждые 50—70 шаговъ, изъ стѣны выдается полукруглая башня (внутри не замкнутая, а представляющая собою полуцилиндръ), очевидно, для удобства продольнаго обстрѣла. Незначительное разстояніе (50—70 шаговъ) указываетъ на малую дальнобойность примѣнявшагося оружія *). Въ стѣнѣ 2-3 ряда бойницъ, причемъ верхнія имѣютъ направленіе внизъ и очевидно, рассчитаны только на стрѣльбу въ ровъ, а не въ даль.

Внизу стѣны, и немного отступя отъ нея, идетъ вторая стѣнка, высотой въ сажень и толщиной въ 50—60 с. т., съ однимъ рядомъ бойницъ (*avant corps*); стѣнка эта спускается непосредственно въ ровъ, образуя эскарпъ. Ровъ шириною и глубиною не менѣе 3 сажень; какъ эскарпъ, такъ и контръ-эскарпъ выложены кирпичемъ.

*) А. Мюллеръ (Исторія Ислама съ основ. доислѣд. временъ. Пер. подъ ред. Мѣдникова, СПб. 1895) указываетъ (стр. 4), что у арабовъ 100 полетовъ стрѣлы равнялись около 3 миль, что даетъ для одного полета стрѣлы около 70 шаговъ.

Черезъ каждые 200—300 шаговъ, и преимущественно на острыхъ, выступающихъ углахъ, гдѣ круто переламывается стѣна, имѣются отдѣльно стоящія круглыя башни, окруженныя внизу сплошнымъ кольцевымъ рвомъ. Соединяются онѣ съ стѣной только крытымъ мостикомъ въ верхней части и имѣютъ наверху только одинъ рядъ бойницъ.

Рѣже ихъ окружаетъ и внизу вторая стѣнка (*avant corps*); Повидимому, это сторожевыя башни.

Ворота тоже устроены съ расчетомъ на упорную борьбу. Всѣ они обиты металлическими листами (со слѣдами пуль); ворота или находятся въ отдѣльно-стоящей башнѣ (вор. Кушки-Ноу) или открываются въ закрытое помѣщеніе, изъ коего идетъ длинный и зачастую поломанный ходъ.

Для современнаго оружія эти стѣны не представляютъ, конечно, серьезнаго препятствія, но въ свое время они несомнѣнно сослужили свою службу. Свидѣтелями ихъ боевой славы служатъ не только слѣды пуль на воротахъ и стѣнахъ, особенно многочисленныя на стѣнахъ, выходящихъ на Леби Хапдакъ, но также и общія, братскія могилы, находящіяся на гласисахъ рва, напр. въ кв. Хазирѣ, и въ кв. Баги Гяндумъ; это склепы въ сажень ширины и сажени въ двѣ длины, съ провалами въ сводахъ, такъ что внутри видны груды человѣческихъ костей.

Разсказываютъ, что 200 лѣтъ назадъ авганцы (вѣроятно, Махмудъ Гильзай въ 1722 г.), безуспѣшно осаждали Іездъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ результатъ ушли ни съ чѣмъ.

Въ 1848 г., по смерти Шаха Махомеда, вспыхнуло возстаніе и въ Іездѣ (ср. Surzon I. 406) и извѣстный въ то время въ Іездѣ дули Махомедъ Абдулла, по мѣстнымъ разсказамъ, заперся во внутреннемъ городѣ и, якобы, три года не пускалъ туда властей.

Въ настоящее время часть стѣны, особенно въ сѣверномъ ея углу, вблизи Мешедскихъ воротъ, разрушена; ровъ засыпанъ въ 2—3 мѣстахъ; но эти недочеты сравнительно легко исправимы. Ворота всѣ исправны и могутъ быть заперты.

Аргъ или цитадель отличается еще болѣе высокой стѣной, чѣмъ стѣна внутреннего города вообще и имѣетъ уже 4—5 рядовъ бойницъ.

Вся стѣна внутреннего города имѣетъ протяженіе въ $3\frac{1}{2}$ версты.

Стѣна внѣшняго города значительно ниже, не имѣетъ изломовъ и, повидимому, стратегическаго значенія не имѣла, а служила просто оградой города.

Башни ея цилиндрическія; ворота, за незначительными исключеніями (вродѣ, напр. вор. Куду-Ференгъ) ведутъ прямо въ улицу и при этомъ ничѣмъ не запираются.

Начиная у Мешедскихъ воротъ, у сѣвернаго угла внутренняго города, можно видѣть только развалины стѣны. Затѣмъ идетъ сохранившаяся часть стѣны съ воротами Шейхъ-Дадъ и Бульмири. Около Баги Даулетабадъ, стѣна эта снаружи обнесена болѣе новой стѣной.

Отъ вор. Даулетабадъ до вор. Пуште-Багъ и затѣмъ до вор. Кудуференгъ стѣна вполне сохранилась и находится снаружи.

Только у вор. Пуште-Багъ она закрыта стѣнкой ввидѣ клина, очень недавней постройки, судя по вытѣсненной на глиняной грубой надписи: „Мулла Урмездіаръ Ардеширъ Куча Біокі амелъ Мехрибанъ 1266“. Дата эта, по словамъ гебровъ, не Гидждры, а эры Іездигерда.

Отъ воротъ Пуште-Багъ, стѣна идетъ сначала среди строеній примыкающаго съ юга выступа, но затѣмъ выступаетъ наружу и идетъ прямо до вор. Куду-Ференгъ. Отъ этихъ воротъ стѣна уже частью разрушена, частью исчезаетъ среди строеній, такъ что общее ея направленіе можно прослѣдить только по отдѣльнымъ сохранившимся башнямъ воротамъ: Хаджа Хызръ, Кассабанъ, Заду Маргъ и Кушкъ.

Послѣдняя башня находится на кладбищѣ Джубхурхуръ. Примыкала эта стѣна къ внутреннему городу, повидимому, въ участкѣ При-Бурчъ, судя по названію этого урочища.

Вся стѣна вѣнчана городомъ имѣетъ протяженіе въ 9 верстъ.

Улицы и площади. Вообще восточнымъ городамъ ставится въ упрекъ узкость и извилистость улицъ *). Тоже говоритъ Баумгартенъ (стр. 135) и про Іездъ, указывая, что „улицы узки и кривы, расположены по прихоти случая; часто прерываются развалинами домовъ, амбаровъ и т. п.

Я вынесъ немного иное впечатлѣніе. Какъ общее правило, улицы въ Іездѣ расположены именно не по прихоти случая, а ориентированы по двумъ главнымъ направленіямъ: на С. В. и на Ю. В., пересѣкаясь подъ прямыми углами.

Это зависитъ, повидимому, отъ ориентировки домовъ: въ каждомъ домѣ имѣется такъ наз. „таларъ“, комната открытая съ одной стороны и снабженная бадгиромъ; въ ней проводятъ время лѣтомъ; комната эта, составляя одну изъ 4-хъ сторонъ двора, ориентуруется при постройкѣ такимъ образомъ, чтобы

*) Goldsmith пишетъ также: „the streets are wretched and blauk.. but not especially dirty“ (стр. 571)—Telegraph and Travel by colonel Sir Fr. g. Goldsmith London 1874.)

солнце въ нее вовсе не попадало. Черезъ это всѣ дома, а за ними и улицы, имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое направленіе.

Эта особенность даетъ возможность сравнительно быстро ориентироваться въ городѣ, особенно въ восточной его части, гдѣ улицы и шире и прямѣе. (По улицѣ отъ Сельсебиля до кладбища Джубхурхуръ обычно въѣзжаетъ въ городъ правитель, если онъ ѣдетъ въ каретѣ).

Правда, большинство улицъ для колесной ѣзды не годится, благодаря тому, что часто черезъ улицу перекинуты своды, или улица изламывается штыкообразно, но все же даже въ старыхъ частяхъ города, напр. отъ вор. Маламиръ до вор. Кушки-Ноу, затѣмъ отъ вор. Мусалла до Зіарета Имамзаде Джафаръ, и отъ вор. Пуште-Багъ до баз. Тебризіунъ и т. п. можно идти по прямому направленію 10—15 минутъ, что для города съ длинникомъ въ 3 версты является довольно большимъ протяженіемъ.

Конечно, имѣется не мало мѣстъ, гдѣ улицы дѣйствительно узки, сильно изломаны и запутаны. Это наблюдается въ „дербендахъ“.

„Дербендъ“ есть собственно тупикъ съ большимъ количествомъ вѣтвей среди группы домовъ, образующихъ кварталъ. Каждый домъ, въ планѣ, состоитъ въ сущности изъ нѣсколькихъ четверугольниковъ (бируна, эндеруна, кухни, конюшни, дворика и т. п.) примкнутыхъ другъ къ другу и отдѣленныхъ или крытыми корридорами, если всѣ эти отдѣлы принадлежать одному дому, или переулками, между двумя разными домами. Такъ какъ отдѣльные четверугольники разной величины, то промежутки между ними и вокругъ нихъ сильно изломаны. Но какъ уже сказано, эти переулки дербенди—не проѣзжая улица, а ходы между домовъ, кончающіеся тупикомъ. Конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кварталъ разрушенъ и вмѣсто тупика образовался сквозной проходъ, тамъ можно попасть въ изрядный лабиринтъ.

Чтобы покончить съ „дербендомъ“, надо еще указать на его особое значеніе въ смутныя времена. Съ проѣзжей улицы въ дербендъ ведутъ обычно ворота. Во время смутъ и волненій, жители закрываютъ эти ворота, заваливаютъ ихъ и отенживаютъ.

По словамъ мѣстныхъ жителей, это особенно, якобы, практикуется въ еврейскомъ дербенди. Но при осмотрѣ мною воротъ дербенди въ Яхуди-Ханѣ, они оказались весьма простыми и довольно ветхими, такъ что едва-ли могутъ представить какое-либо препятствіе. А въ другихъ мѣстахъ города, дербендъ не можетъ быть запертъ по отсутствію не только запоровъ, но зачастую и самихъ воротъ.

Площади. Баумгартенъ (стр. 135) пишетъ, что „площадей въ Іездѣ очень мало“.

Если принимать во вниманіе только большія площади, вродѣ Мейдане Шахъ *) и Мейдане Миръ Чакмакъ, то ихъ дѣйствительно мало; но небольшихъ площадей за то много.

Всѣ площади принадлежатъ къ двумъ слѣдующимъ типамъ. Одинъ сортъ площадей образуется естественнымъ путемъ, въ промежуткѣ между зданіями. Это—простыя, неправильной формы площадки, безъ всякаго устройства; на нихъ зачастую можно видѣть старыя могилы, особенно вблизи зіаретовъ. Въ центрѣ города, гдѣ земля сравнительно дороже (30—50 крапъ за кв. зеръ), такія площадки попадаютъ рѣже; на окраинахъ же, гдѣ одинъ кв. зеръ земли стоитъ 6-12-15 крапъ, такія площадки встрѣчаются чаще и размѣры ихъ больше.

Этотъ типъ площадей называется „Ларде“ и на нихъ обычно продаются дрова, уголь, сѣно и т. п. громоздкіе предметы, привозимые ежедневно для продажи изъ окрестностей города.

Другой типъ площадей, къ которому принадлежатъ и площади Мейдане Шахъ, Миръ Чакмакъ, Шей Дадъ и многія другія есть специально приспособленныя для религіозныхъ празднествъ площади. Такъ какъ празднества эти (рузи-ханэ, таазіэ, шеби и т. д.) происходятъ преимущественно въ память Имама Хусейна, то и площади эти носятъ названіе: „Хусейніэ“.

Типичной чертой этого сорта площадей служатъ ряды „айван'овъ“, т. е. нишъ, служащихъ ложами для зрителей; въ малыхъ „Хусейніэ“, эти айваны расположены только въ одинъ рядъ; въ большихъ Хусейніэ, гдѣ идутъ уже таазіэ, шіэби съ процессіями, айваны тянутся въ два яруса, а въ одной изъ стѣнъ они идутъ даже въ 3 ряда, причемъ эти „почетныя ложи“ украшаются изразцами или же раскрашиваются.

Большія площади (Мейдане-Шахъ, Миръ-Чакмакъ и Шейхъ-Дадъ) устроены такимъ образомъ, что вблизи стѣны съ почетными ложами площадь шире остальной части; посрединѣ этой болѣе широкой части стоитъ сооруженіе, смысла котораго я не могъ добиться: это многогранный, низкій и широкій столбъ, украшенный изразцами и надписями.

Говорятъ, что это должно изображать Каабу.

„Хусейніэ“ имѣются въ каждомъ кварталѣ, часто они приурочены къ мечетямъ или къ Зіаретамъ; нерѣдко около „Хусейніэ“

*) По плану Ханыкова—„такіэ“.

можно встрѣтить абамбаръ. То и другое устраивается обычно благочестивыми людьми, которые сверхъ того, оставляютъ по завѣщанію деньги (чаще доходъ съ имущества) на поддержаніе Хусейніа, на наполненіе абамбара водою и на устройство рузи-ханэ въ Хусейніа.

Относительно чистоты улицъ, тоже нельзя согласиться съ Баумгартеномъ (стр. 135). Только въ одномъ кварталѣ Сери Джамъ мнѣ пришлось видѣть, что нечистоты лились прямо на улицу.

Въ остальномъ же городѣ, даже при желаніи, не всегда можно увидѣть нечистоты, такъ какъ въ Іездѣ они всецѣло утилизируются для удобренія и ежедневно вывозятся гебрами, которые и на улицѣ подбираютъ все, что возможно, ибо за очистку выгребовъ платятъ не домохозяева, а сами гебры, какъ нуждающіеся въ удобреніи.

Мечети. Мечети въ Іездѣ двухъ видовъ: мечети въ тѣсномъ смыслѣ слова—молитвенные дома и затѣмъ мечети, приуроченныя къ зіаретамъ, т. е. къ гробницамъ святыхъ.

Простыя мечети или молитвенные дома, изъ коихъ каждая имѣетъ зимнее и лѣтнее помѣщеніе, устроены весьма незатѣливо.

Зимнее помѣщеніе представляется большимъ четвероугольнымъ пространствомъ съ рядами столбовъ по обѣимъ сторонамъ. Столбы эти поддерживаютъ хоры, на коихъ помѣщаются жепщины. Внизу, на стѣнѣ, обращенной къ Меккѣ (въ Іездѣ это направленіе по компасу опредѣляется на ЮЮЗ—все мечети ориентированы по этому румбу) вѣланъ небольшой камень, покрытый обычно куфической надписью—„мехрабъ“.

Тутъ же стоитъ „мемберъ“, родъ кафедры, съ которой мулла читаетъ молитвы. Убранства почти никакого. Лѣтнее помѣщеніе еще проще. Зачастую это просто дворъ, часть коего, у стѣны съ мехрабомъ, имѣетъ крышу, а остальная часть открыта. Въ этихъ мечетяхъ или молельняхъ нѣтъ ни арокъ у входныхъ дверей, ни куполовъ, ни изразцовъ, ни „гуль дестэ“ или минарета, откуда выкликается азанъ. У такихъ мечетей азанъ выпѣвается человѣкомъ, стоящимъ прямо на улицѣ, у дверей мечети.

Зіареты являются уже болѣе изящными постройками, имѣя обычно сводчатый куполь, дворъ, зачастую украшенный входной аркой; въ самомъ зіаретѣ можно видѣть нѣсколько помѣщеній, причемъ надгробіе расположено обычно въ наиболѣе дальнемъ помѣщеніи.

Иногда такъ же, какъ и зіареты, т е. съ куполами и съ арками, и т. п., устроены и мечети: но такихъ немного: Месджидъ Джум'э, Месджидъ Мулла Исмаилъ, Месджидъ Миръ Чакмакъ и Месджидъ Рикъ.

Зіаретовъ въ Іездъ хотя и много, но большой славой они не пользуются.

Въ каждомъ городѣ Персін и даже въ селеніяхъ, имѣется гробница кого-либо изъ родственниковъ Имамовъ, особенно Имама Ризы. Въ Іездѣ всего только одинъ Имамзаде, да и то только, какъ говорятъ, племянникъ Имама Джаферъ-эсъ-Садыка. За немѣніемъ лучшаго, этотъ Имамзаде Джафаръ считается наиболѣе почитаемымъ зіаретомъ въ Іездѣ и мнѣ даже пришлось слышать ликованіе по поводу чуда, происшедшаго тамъ (хромой или, вѣришь, паралитикъ сталъ ходить).

Прочіе зіареты довольно запущены; не мало изъ нихъ даже заброшенныхъ; а въ иныхъ даже входы заложены кирпичемъ такъ какъ входить въ нихъ небезопасно, въ виду ихъ большой ветхости.

Списокъ зіаретовъ по кварталамъ:

Миръ Нурэддинъ (?)	кв. Базаръ-и-Ноу
Миръ Шейхъ Ахмедъ	кв. Юзурень
Девазде Имамъ	" "
Искандери	" "
Шейхъ Абуль Касимъ	" Шейхъ А-Касимъ
Миръ Рукнэдбинъ	" Чаръ Су
Бук'э	" Яхуди-Ханэ
Сендъ Гули Сурхъ	" Сери Джамъ
Султанъ Шейхзаде Махомедъ	" Шейхъ-Дадъ
Имамзаде Джафаръ	" Мейдане Шахъ
Миръ Шемсэддинъ	" Чаръ Минарь
Мультакіэ (?)	" " "
Сендъ Абу Зердабъ	" " "
Мусалла	" Мусалла
Мусалла-и-Ноу	" "
Сахне Али	" Сахне-Али
Шахзаде Разиль	" Джузарчъ
Султанъ или Сендъ Суффетъ	" Маломиръ

Кромѣ перечисленныхъ, имѣется не мало заброшенныхъ, безыменныхъ зіаретовъ.

Медрессе по Баумгартену (136) въ Іездѣ пять, по Curson'у (II—240) восемь; мнѣ говорили, что ихъ девять, но розыскать и осмотрѣть самому мнѣ удалось только восемь.

1. Ханъ противъ базара Кейсеріа, на базарѣ Тебризіунъ
2. Шафіа на площади Мейдане Ханъ
3. Абдуль Рахимъ Ханъ на баз. Ханъ
4. Мусалла у базара Мусалла
5. Хазирэ-Мулла у вор. Хазирэ
6. Шахзаде близъ мечети Джум'а
7. Бульмири въ кв. Бульмири
8. Муксеніа или Зири Ду Минаръ въ кв. Мейдане Шахъ

Эти медрессе обычно представляютъ изъ себя большой дворъ, вокругъ котораго тянутся ниши съ комнатами, гдѣ занимаются ученики. Посреди двора углубленіе, гдѣ по Іедскому обычаю устроенъ второй рядъ уже подземныхъ комнатъ; по срединѣ углубленія растутъ деревья и даже протекаетъ вода.

Нельзя сказать, чтобы въ этихъ медрессе было много учениковъ; еще въ Мусалла, Шафіа, Ханъ и Хазирэ-Мулла я видѣлъ юношей, занятыхъ письмомъ; въ Бульмири и въ Муксеніа учились малые ребята, а Медрессе Шахзаде прямо пустовало.

Базары.—У Баумгартена свѣдѣнія о базарахъ и каравансараяхъ приведены очень отрывочныя и неполныя (стр. 134). Базары можно раздѣлить на два сорта: на центральный базаръ, который ниже будетъ описанъ подробнѣе, и на уличныя базарчики. Последніе содержатъ 3—5—10 лавокъ, помѣщаются на проѣзжей улицѣ, перекрытой въ этомъ мѣстѣ только сводами и служатъ главнымъ образомъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Этихъ базарчиковъ много по всему городу, напр. базаръ Чаръ-Су, баз. Шахъ, баз. Серрафіанъ, баз. Духумрэ, баз. Дервазе Мехризъ, баз. Чингъ Сазі, баз. Мирза Абдуль Кримъ, баз. Тазіанъ, баз. Кашкари, баз. Чехаръ Куча, баз. Измаиль Ханъ, баз. Садръ, баз. Пуште Мейдане Шахъ, баз. Вагъ-и-Саатъ; баз. Хашимъ-Ханъ, баз. Доми Хаммамъ Мулла-Измаиль, баз. ХаммамъМамедъ Али Бекъ, баз. Хаммамъ Садръ и др.

Каравансарай дѣлятся на три вида: 1) на чарвадарскіе, гдѣ останавливаются караваны и помѣщаются путники, чарвадары и выючныя животныя; 2) на „тимча“ гдѣ помѣщаются лишь склады товаровъ и 3) на каравансарай „таджиръ—нишинъ“, гдѣ находятся не только склады, но и конторы (отагъ) у купцовъ.

Чарвадарскіе каравансарай раскиданы по всему городу; дѣйствуютъ не всѣ (при мнѣ каравансарай Рикъ, какъ пустой, былъ

уступленъ английскому миссіонеру подъ больницу), почему полный списокъ ихъ дать довольно трудно.

Вотъ списокъ каравансараевъ, которые я видѣлъ самъ:

Плиджа Али—у площадки Плиджа Али на центр. базарѣ

Плиджа Али—у угла баз. Ханъ (центр. баз.)

Садръ—у вор. Доулетабадъ

Гоудале Мусал	}	кв. Мусалла
Аскеръ		
Хасанъ кучикъ		

Деххокъ—у вор. Куду Ференъ

Хаджи Абдула	}	кв. Пуште Багъ
Али Ага		
Хади		

Джубъ Субханъ (2 штуки)	}	кв. Ходжа Хызръ
Аскеръ		

Мирза кв. Талль

Рикъ кв. Газурга

Бафтѣ кв. Джузартъ

Хаджи Гамберъ	}	у пл. Миръ Чакмакъ на баз. Хаджи Гамберъ
Хаджи Ага Эттаръ		

Миръ Чакмакъ (3 шт.)—на пл. Миръ Чакмакъ

Дудеръ	}	близъ центр. базара
Херенди		

Леби Хандакъ	}	Леби Хандакъ
Хаджи Али Риза		

Бульмири—кв. Бульмири

Шахи	}	у вор. Шахи
Лерде Кейхунъ или Сефидъ		

Хаджи Хейдаръ Али	}	кв. Мейдане Шахъ
Пистѣ		
Везиръ		
Мейдане-Шахъ (2 шт.)		

Али-Ага—кв. Сахне-Али

Называли мнѣ еще каравансараи: Хаджи-Мехди, Баверди, Хаджи Мулла Хусейнъ, Мирза Хасанъ, но я самъ ихъ не видѣлъ и гдѣ они расположены—не знаю.

Эти каравансараи устроены по общему для всей Персіи типу; большой дворъ, вокругъ котораго идутъ комнаты для проѣзжающихъ. Позади комнатъ рядъ конюшенъ; по срединѣ двора невысокая платформа, гдѣ спятъ лѣтомъ. Иногда въ каравансараѣ имѣется 2—3 такихъ двора.

Относительно чарвадарскихъ каравансараевъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что чарвадары, прибывающіе съ грузами, останавливаются въ томъ или другомъ каравансараѣ не по своему выбору, а по указанію таможни.

Рахдаръ (сборщикъ податей, находящійся у каждаго воротъ) сопровождаетъ караванъ въ извѣстный каравансарай и сообщаетъ въ таможенную о прибытіи груза.

При мѣ, напр., караваны изъ Бендеръ Аббаса останавливались въ каравансараѣ Али Ага (въ кв. Пуште-Багъ) и въ одноименномъ каравансараѣ Али-Ага (въ кв. Сахне-Али), караваны изъ Мешеда—въ крс. Пистэ и въ крс. Хаджи-Али-Риза, караваны Буширскіе—въ крс. Хаджи Мулла Хусейнъ и въ крс. Хаджи, Шахрудскіе—въ крс. Мейдане Шахъ.

Каравансарай „Таджиръ-нишинъ“ устроенъ по другому типу: черезъ широкія ворота идетъ входъ въ углубленный дворъ, гдѣ, какъ на дворѣ дома, имѣется иногда бассейнъ и растутъ деревья. Комнаты вокругъ двора идутъ въ два яруса, причемъ нижній рядъ выступаетъ впередъ, такъ что вокругъ двора образуется платформа, вышиною въ двѣ сажени и шириною сажени въ полторы, дающая доступъ къ комнатамъ втораго яруса. Внизу этой платформы расположены „отагъи“ купцовъ. Обстановка этихъ конторъ самая примитивная: полъ устланъ паласами или зиллу; тамъ, гдѣ сидятъ таджиры (по 2—3 въ комнатѣ), постланы коврики; передъ каждыиъ стоитъ на полу небольшой желѣзный сундучекъ—касса; 2—3 тетради и калемданъ составляютъ всѣ письменныя принадлежности.

Въ самую контору допускаются только крупныя кліенты; съ остальной публикой разговоръ ведется черезъ дверь, нижняя половина которой закрывается особою заслонкой.

Позади „отагъа“ имѣются „пясту“ (темныя комнатки), гдѣ тоже лежатъ товары, преимущественно образцы, по которымъ совершаются сдѣлки.

Въ этихъ конторахъ крупныя купцы занимаются недолго 2—3 часа въ день.

„Тимчэ“ устроено по тому-же типу, но комнаты заняты только товарами, а не конторами.

Вотъ списокъ каравансараевъ „таджиръ-нишинъ“ и „тимчэ“ (всѣ они находятся около центрального базара, почему цифры отвѣчаютъ плану центрального базара).

1. Хаджи—на углу баз. Мискери и Паи Пянджа-Али
2. Гомрукъ или Хиндусэ—рядомъ съ Хаджи

3. Ходжа-Саалэ } на продолженіи б. Мискери
4. Тегеруніэ } на продолженіи б. Мискери
6. Али-Ага—на баз. Тебризіунъ
7. Біябунакія } на баз. Пап-Пянджи-Али
8. Арабха } на баз. Пап-Пянджи-Али
9. Хаджи Садыкъ } на баз. Пап-Пянджи-Али
12. Вали—на баз. Ханъ и на баз. Пянджа-Али
14. Хаджи-Абдулъ Меджидъ } на баз. Мусалла
15. Ханъ Кохнэ } на баз. Мусалла
16. Ширази малый } на баз. Дери-Каравансараи Ши-
17. Ширази большой } рази
19. Ханъ (старый)—на баз. Мусалла
22. Гульшанъ—на баз. Кейсеріэ
5. Тимчэ-и-Кирмапи—на баз. Мискери
13. Тимчэ-и-Вали—на баз. Ханъ
18. Тимчэ-и-Хаджи Сейдъ-Али-Акберъ на баз. Мусалла.

Бани; зурханэ. Къ числу „общественныхъ учреждений“ въ Іездѣ относятся еще бани и зурханэ.

Въ Іездѣ мнѣ насчитывали до 46 бань (по Curzon'у—II. 240—ихъ 65), изъ нихъ лучшихъ всего только шесть; лучшія бани находятся въ кв. Газурга и около площади Мейдане Шахъ.

Судя по одной изъ лучшихъ бань (въ кв. Газурга), осмотрѣнной мною, они устроены такъ: первая комната (бирунъ) служитъ раздѣвальной; по срединѣ ея находится, хоузъ, надъ которымъ стоитъ стойка съ кальянами, бафурами (трубками для куренія опиума—хотя и не вездѣ, ибо публично курить опиумъ считается зазорнымъ), чайными приборами и т. п. Вокругъ стѣнъ устроены помосты изъ камня или цемента, гдѣ сидятъ раздѣвающиеся; на помостъ ведутъ нѣсколько ступенекъ, изъ нихъ нижняя представляется полою и соединена съ хоузомъ, такъ что она наполнена водою. Въ ней обмываютъ подъ конецъ всего ноги; но это дѣлаютъ только бѣдняки, лицамъ же состоятельнымъ обмываетъ ноги банщикъ.

Бирунъ бани является чѣмъ-то вродѣ клуба (передъ свадьбами, въ разукрашенномъ бирунѣ справляютъ „мальчишникъ“ и т. п.); поэтому и здѣсь, какъ и въ прочихъ собраніяхъ, считаются мѣстами.

Мѣсто, крайнее влѣво отъ входа считается самымъ почетнымъ, а такъ какъ въ Персіи сѣсть ниже другого считается чуть не позоромъ, то почетныя лица предварительно посылаютъ въ

баню слугу узнать, занято-ли это мѣсто и кто уже находится въ банѣ.

Сама баня представляетъ изъ себя простую комнату, болѣе или менѣе обширную, которая вся отдѣлана цементомъ. На полу, по срединѣ, имѣется иногда возвышенная, въ 1—2 фута высоты, площадка.

Моются, сидя прямо на полу, подстилая только клѣтчатую простыню—„лонгъ“, которая составляетъ собственность бани и подстилается для всѣхъ и каждаго. (Поэтому названіе „лонгъ-и-хаммамъ“—прилагается къ человѣку, готовому подслужиться всѣмъ и каждому.

По окончаніи мытья, посѣтитель отправляется въ „хазинэ“, небольшой бассейнъ въ 1 саж. ширины, $1\frac{1}{2}$ —2 сажени длины и глубиною по плечи (въ малыхъ баняхъ даже только по поясъ); въ немъ собственно и производится ритуальное омовеніе (кусль), сопровождаемое молитвой.

Вода въ этомъ „хазинэ“ мѣняется 1—2 раза въ годъ и представляетъ собою весьма непривлекательный настой.

Впрочемъ, 2—3 раза въ недѣлю удаляется грязь, скопляющаяся въ наиболѣе низкой части „хазинэ“; удаляется она съ помощью особаго осуда („сабу“или „каванзіэ“), построеннаго по типу ливера. Но каждый разъ удаляется не болѣе 2—9 ведеръ этой грязи.—

Въ сосѣдней комнатѣ устраивается болѣе просторный бассейнъ, разъ въ 8—10 больше „хазинэ“. Это—„дарьяча“, наполняемая холодной водой; употребляется только лѣтомъ; на зиму же дверь въ помѣщеніе съ „дарьяча“ даже замуровывается, чтобы даромъ не терять тепла.

Съ другой стороны бани имѣется помѣщеніе съ цѣлымъ рядомъ какъ-бы небольшихъ стойлъ, отдѣланныхъ цементомъ. Это—„ваджибъ-ханэ“ или „нурекетъ—ханэ“, гдѣ сводятъ волосы съ помощью особой пасты. Въ общей банѣ, персы не обнажаются вполнѣ, а тутъ приходится снимать надѣваемый вокругъ бедеръ „лонгъ“, а посему они и уединяются въ отдѣльныя ваджибъ-ханэ, гдѣ и ожидаютъ дѣйствія пасты; въ нужный моментъ, они вынимаютъ затычку въ стѣнѣ откуда вытекаетъ струя воды, которою они и смываютъ пасту.

Рядомъ съ главной баней нерѣдко устраивается еще небольшое отдѣленіе, гдѣ моются мужчины въ тѣ дни, когда въ баняхъ моются женщины.

Зурханэ. Другимъ „клубомъ“ является зурханэ, родъ гимнастическаго зала. Это, обыкновенно, не слишкомъ большое, но сравнительно высокое, иногда съ куполомъ, помѣщеніе особаго

устройства: въ многоугольной комнатѣ, по срединѣ пола находится углубленіе—„гоудаль“—съ отвѣсными кирпичными стѣнками, глубиною меньше человѣческаго роста и въ діаметрѣ около 2 сажень.

Полъ этого углубленія—изъ глины, которая для мягкости смачивается. По стѣнамъ зданія—глубокія ниши, гдѣ раздѣваются, гимнастику дѣлають только съ „лонггомъ“, обернутомъ вокругъ бедеръ, какъ въ банѣ.

Посѣтитель спускается въ гоудаль и начинаетъ дѣлать разныя, вполне опредѣленныя тѣлодвиженія, сначала вольныя, вроде пляски, прыжковъ, бѣга на мѣстѣ, верченія и т. п.

Затѣмъ переходятъ къ приборамъ. Приборовъ я видѣлъ три: 1) длинная узкая дощечка на двухъ низкихъ ножкахъ; поставивъ ее на полъ, какъ скамейку, берутся за нее руками, а тѣло вытягивается параллельно полу, опираясь на него только носками; затѣмъ приподымаются и опускаются на рукахъ; 2) затѣмъ идетъ „миль“—это родъ палицы съ ручкой вѣсомъ отъ 10 фунтовъ до 1 пуда; взявъ въ каждую руку по „милю“ и положивъ ихъ на плечи, сначала танцуютъ съ ними, затѣмъ начинаютъ размахивать ими, наконецъ, бросаютъ ихъ вверхъ и ловятъ; 3) самымъ труднымъ упражненіемъ является „выжиманіе“ или поднятіе „сенгъ“ а'.

„Сенгъ“ есть плоскій камень, съ ручкой по срединѣ, вѣсомъ отъ 2 до 5 пудовъ. Для этого упражненія ложатся на спину, на особыя подушки и нѣсколько разъ „выжимають“ сенгъ вверхъ.

Прислужникъ зурханэ, сопровождающій всякія упражненія ритмическимъ барабаннымъ боемъ, при этомъ упражненіи ведетъ счетъ съ присловьями: „одинъ“—единъ Аллахъ!—„два“—слѣдуетъ восхваленіе Хусейну и Хасану; „двѣнадцать“—поминаются 12 Имамовъ, „тринадцать“—проклиняется Іезидъ и т. п.

Помимо одиночныхъ, собственно гимнастическихъ упражненій, въ зурханэ происходятъ и атлетическія состязанія, борьба между „пехлеванами“, причемъ посматрѣть на такую борьбу собирается не мало любителей.

Хотя для большинства посѣтителей зурханэ—это спортивной клубъ, но не мало тамъ лицъ, дѣлающихъ гимнастику по предписанію врачей, которые точно указываютъ при каждой болѣзни, какія движенія и какъ долго надо дѣлать. Вообще посѣщеніе зурханэ связано съ опредѣленными правилами: передъ этимъ обязательно омовеніе; упражненія дѣлаются только натошакъ (въ обычное время—рано утромъ, а въ Рамазанъ—вечеромъ); по окончаніи упражненій, тянувшихся иногда до 2 часовъ, даютъ

полстакана теплой воды, иногда съ сахаромъ; курить въ зурханѣ не дозволяется.

Плата въ зурханѣ 1—4 крапа въ недѣлю, причемъ для гимнастики обычно ходять туда черезъ день.

Кладбища. Баумгартенъ говоритъ (133): „городское кладбище „расположено у сѣверо-восточной окраины города, восточнѣе „цитадели“.

Это было-бы справедливо, если бы въ Персіи существовали европейскіе порядки. На дѣлѣ-же персы любятъ хоронить своихъ покойниковъ около мечетей и даже на Хусейніѣ.

Въ виду древности города, могилы можно видѣть повсюду: при постройкѣ домовъ натываются на могилы; зачастую въ стѣнахъ домовъ, базарахъ, на улицахъ можно видѣть надгробныя плиты, вмазанныя въ стѣну — это значить, что постройка закрыла собою могилу, а надгробіе было снято и вдѣлано въ стѣну.

При такомъ распространеніи могилъ мы на свободныхъ мѣстахъ встрѣчаемъ скопленія могилъ, которыя, однако, едва-ли можно называть „городскими кладбищами“.

Наиболѣе обширнымъ является кладбище Джубхурхуръ, на которое указываетъ Баумгартенъ; затѣмъ имѣется Габристанъ Кушкъ или Пуште Ханъ-Али; есть кладбище Юсуфъ-Ханъ около Шешбадгира; есть кладбище Тахте Уста близъ Имамзаде Джафаръ; есть еще кладбище у вор. Доулетабадъ.

Долженъ, однако, сдѣлать оговорку. На кладбищѣ Джубхурхуръ, въ особой оградѣ, находится кладбище бабистовъ „хазирѣ бабиха“, гдѣ они всѣ хоронятся въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ какъ Баумгартенъ, какъ и всѣ прочіе русскіе, получалъ свои свѣдѣнія отъ нашего коммерческаго агента въ Іездѣ, Хаджи-Махоммэдъ-Таги-Ширази—бабиста, то послѣдній и могъ указать на Джубхурхуръ, какъ на „городское кладбище“.

Евреи хоронятъ (самъ я не видѣлъ) своихъ покойниковъ въ пустыряхъ Сери Талль.

Гебры-же пользуются дехмэ (башней молчанія) около Тафтскаго ущелья.

Водоснабженіе.—По первому впечатлѣнію при осмотрѣ Іезда можно было-бы думать, что онъ снабжается водой черезъ посредство того русла, которое Баумгартенъ называетъ русломъ Тафтскаго ручья. Но, какъ мнѣ пришлось убѣдиться за 1¹/₄ года, это русло почти постоянно остается сухимъ и никакой роли въ водоснабженіи не играетъ.

Атмосферныхъ осадковъ въ равнинѣ, гдѣ расположенъ Іездъ выпадаетъ также ничтожное количество, что и они не имѣютъ никакого значенія.

Вода для всевозможныхъ цѣлей въ Іездѣ получается изъ двухъ источниковъ: изъ канатовъ (кяризовъ) и изъ колодцевъ (чехиль-гязъ).

Канаты или **кяризы** представляютъ изъ себя подземную галерею овальнаго сѣченія (1—1½ метра въ діаметрѣ), тянущуюся отъ горъ, гдѣ они берутъ начало отъ родниковъ. Уклонъ этой галереи, во избѣжаніе размывовъ, дѣлается незначительной. Для удобства осмотра и чистки каната по всему его протяженію устраиваются вертикальные колодцы черезъ каждые 5—10 метровъ.

Стоимость устройства канатовъ очень большая; выемка земли въ мягкомъ грунтѣ обходится 6—15 кранъ, а въ каменистомъ грунтѣ до 30 кранъ за кубическій аршинъ.

На версту приходится вынимать 2.000—3.000 куб. аршинъ, считая только одну горизонтальную галерею. Затѣмъ надо при-считать сюда стоимость вертикальныхъ колодцевъ, глубина которыхъ около самага Іезда, по непосредственному моему измѣренію, доходитъ иногда до 15 метровъ; въ другихъ мѣстахъ, какъ говорятъ, глубина ихъ доходитъ и до 30 метровъ.

Если канатъ проходитъ въ мягкомъ грунтѣ, то требуется обезопасить его отъ обваловъ, для чего галерея выкладывается глиняными цилиндрами („похъ“), равными ея діаметру. На одинъ метръ идетъ по 4 штуки этихъ цилиндровъ или, вѣрнѣе, колець. Стоимость этихъ „похъ“—20—25 тумановъ (40—50 р.) за тысячу.

Въ результатѣ верста каната обходится отъ 5.000 рублей и болѣе. Канаты-же около Іезда тянутся на десятки верстъ. Канаты, идущіе отъ Тафта, тянутся на 5—6 фарсаховъ (30—36 верстъ); идущіе-же изъ Мехриза имѣютъ длину въ 8—10 фарсаховъ (50—60 в.).

Мнѣ передавали, что одна только расчистка и поправка Мех-діабадскаго каната, заброшеннаго въ теченіе 20 лѣтъ, обошлась за 10 фарсаховъ (около 50 верстъ) въ 72.000 тумановъ (144 т. р.), т. е. около 3.000 р. за версту.

Такая громадная стоимость сооруженія канатовъ дѣлаетъ устройство доступнымъ только крупнымъ капиталистамъ.

Земля въ Персіи въ сущности ничего не стоитъ; цѣнность она пріобрѣтаетъ только при возможности орошенія ея.

Поэтому, владѣльцы канатовъ имѣютъ полную возможность держать поселянъ въ кабалѣ, почти ничѣмъ не отличающейся отъ полного закрѣпощенія.

Въ началѣ, когда канатъ только что проведенъ и земля сдается въ аренду, плата за воду назначается небольшая. Но, по мѣрѣ того, какъ поселяне обстраиваются, разводятся сады, виноградники, плантаціи тутовыхъ деревьевъ и т. д., тѣмъ болѣе повышается плата за воду. Поселянамъ приходится или бросать все хозяйство и перебираться на новое мѣсто или платить, что съ нихъ потребуютъ. Предѣловъ эксплоатаціи не существуетъ, хотя болѣе разумные владѣльцы, конечно, стараются не натягивать струну слишкомъ сильно. Все таки, главная тягота отражается на поселянахъ.

Въ Іездѣ каждый „домъ“ платитъ за воду (въ селеніи) до 100 тум. въ годъ. Упомянутый выше Мехдіабадскій канатъ орошаетъ 30 хафизовъ земли и селеніе Мехдіабадъ, которое состоитъ изъ 36 домовъ и платитъ за воду 3696 тум. въ годъ. Но зато, съ другой стороны, канаты служатъ предметомъ величайшей заботливости—для хорошихъ хозяевъ, конечно.

Канатъ требуетъ и внимательнаго надзора и своевременной чистки, иначе его дебитъ падаетъ. Такъ, напр., канатъ сел. Шехнэ, который 50 лѣтъ назадъ орошалъ до 90 хафизовъ, теперь орошаетъ только 14 хафизовъ хотя онъ и вырытъ въ каменіемъ грунтъ и чистился нѣсколько разъ; теперешній его хозяинъ, если не ошибаюсь, Муинъ-удъ Туджаръ, своевременно не поддерживалъ его въ порядкѣ и канатъ сталъ запущеннымъ.

Число канатовъ (кяризовъ) въ Іездѣ показывается разнo. Curzon (II. 240) говоритъ, что ихъ свыше семидесяти, Баумгартенъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 125) говоритъ, что Ширъ Кухъ питаетъ водою также и городъ Іездъ при помощи 70 подземныхъ галлерей (кяризовъ); а въ другомъ мѣстѣ (стр. 132) упоминаетъ, что по его разспросамъ—ихъ оказалось лишь 43. Такое кажущееся разногласіе объясняется просто. Канаты служатъ преимущественно для орошенія, а посему каждое селеніе должно имѣть по меньшей мѣрѣ одинъ канатъ. У подножія Ширъ-Куха селеній много и возможно, что отъ всего массива Ширъ-Кухъ отходитъ свыше 70 канатовъ. Но къ самому Іезду и близъ лежащимъ селеніямъ подходит, конечно, меньшее количество кяризовъ.

Я могу касаться только водоснабженія самого города и ближайшихъ селеній.

Къ этой группѣ канаты идутъ съ двухъ сторонъ: со стороны Мехриза и со стороны Тафта.

Сосчитать число послѣднихъ, питающихъ селенія южнѣ Іезда (Баги Ханъ, Шехнэ, Ахрестанъ, Хезаръ-Дерехтъ, отчасти

Хуррамшахъ и Куча Біокъ и даже Баги-Доулетабадъ и сел. Кяну), я не могъ, ибо они идутъ среди селеній; ихъ насчитываютъ до 15 штукъ.

Канаты, идущія отъ Мехриза, какъ идущіе по открытому мѣсту, можно было и сосчитать и нанести на планъ.

Канаты подходятъ—въ количествѣ:

къ Хуррамшахъ и Ахрестанъ 4.
къ Абшей (отчасти и далѣе, до Доулетабада) 4
къ кв. Пуште Багъ 2
къ вор. Куду Ференгъ 1
къ кв. Ходжа Хызръ 2
къ кв. Пуште Ханъ Али 6
къ Сельсебилю (изъ Фередж'а) 1
къ восточн. углу г. Іезда 2
къ селу Муріабадъ (одинъ идетъ дальше) 8
между сел. Муріабадъ и Хасанабадъ 2
къ сел. Хасанабадъ и далѣе 1
къ сел. Садрабадъ (двумя вѣтвями) 1
къ Зерчъ (идетъ южнѣ с. Садрабада) 2
къ с. Мехдіабадъ (изъ нихъ 4 идутъ дальше) 5
къ с. Касимабадъ 1
къ с. Рахметабадъ (2 фарсаха по Кирманск. дорогѣ) 1
къ с. Мардава 1
къ с. Неджефабадъ 1

Указываютъ еще на канатъ, идущій, якобы, отъ Гимметабада, причемъ говорятъ, что гимметабадская вода „легкая“, въ противоположность водѣ изъ Мехриза, считающейся „тяжелой“, ибо она, якобы, содержитъ ртуть. Относительно канатовъ, идущихъ южнѣ сел. Садрабадъ, я не могъ добиться идутъ-ли они къ Зерчу или отъ Зерча.

Названіе квартала Джузарчъ заставляетъ думать, что вода джуба „Зегчъ“ идетъ изъ Зеріа.

Долженъ указать на одно обстоятельство, мѣшающее точно опредѣлить число канатовъ, именно, что часть ихъ настолько запущена, что они уже не работаютъ; поэтому жители насчитываютъ меньше канатовъ, чѣмъ ихъ можно видѣть. Въ періодъ поливки, такіе заброшенные канаты временно расчищаются поселянами и затѣмъ снова забрасываются.

Какъ уже сказано выше, главная задача канатовъ — орошать поля и сады, причемъ отпуску воды на отдѣльные участки ведется строгій учетъ.

Въ самомъ селеніи канатъ уже не представляетъ собою подземной галлерей, а вода течетъ по поверхности земли въ видѣ открытаго ручья.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ ручья отходятъ вѣтви, орошающія отдѣльные участки, устраивается выложенный кирпичемъ бассейнъ со шлюзомъ („тахте-пуль“), причемъ шлюзовъ дѣлается иногда нѣсколько, по числу вѣтвей.

Учетъ воды, проходящей сквозь шлюзъ, ведется съ помощью водяныхъ часовъ (клепсидра.)

Клепсидра эта очень простаго устройства; въ посудинѣ, наполненной водой, плаваетъ полусферовидная, металлическая чашка — „сабу“ съ дырой въ днѣ. Чашка эта, плавая въ сосудѣ, постепенно наполняется водой. Размѣры чашки таковы, что она наполняется 132 раза въ сутки, кромѣ того, внутри „сабу“ панесены еще дѣленія — въ Іездѣ ихъ 6, а въ Ардеканѣ 4 („донгу“). Въ часъ „сабу“ наполняется $5\frac{1}{2}$ разъ, а съ помощью дѣленій можно отсчитывать даже минуты. Количество воды, проходящей черезъ ворота шлюза, является постоянной величиной, и поэтому расходъ воды и плата считается по количеству „сабу“. Конечно, вода пускается или весь день или всю ночь; при трудности точно опредѣлить моментъ восхода и заката, полагается „на просчетъ“ утромъ и вечеромъ по 1 сабу и въ результатѣ суточное количество сабу считается равнымъ — 130.

Надо здѣсь-же отмѣтить, что вода идетъ по поверхности, только въ селеніяхъ и строго оберегается отъ похищенія.

Когда-же она выходитъ за предѣлы селенія, то снова спускается подъ землю.

Вторая работа, которую несетъ канатъ, приведеніе въ движеніе мельницъ — „ассіабъ“. Вѣтряныхъ мельницъ въ Персіи я не видѣлъ: водяные мельницы въ горахъ стоятъ прямо на горныхъ ручьяхъ, гдѣ естественная сила паденія воды достаточно велика. На равнинѣ, гдѣ этого условія нѣтъ, приходится прибѣгать къ иному способу.

Какъ уже сказано выше, скорость теченія воды въ канатѣ во избѣженіе размывовъ, незначительна, для мельницы-же требуется струя достаточной силы. Это достигается такимъ устройствомъ: у устья каната устраивается вертикальный колодезь, шириною $1\frac{1}{2}$ сажени и глубиною около 5 сажень.

У дна этого резервуара находится отверстіе, изъ котораго вода вытекаетъ уже достаточно сильной струей для того, чтобы двигать мельничное колесо.

Колесо это вращается на вертикальной оси, расположено ниже жернововъ; изъ послѣднихъ нижній неподвиженъ, а верхній „порхаетъ“ и въ своемъ движеніи періодически встряхиваетъ ковшъ, подающій зерно. Мука сыплется изъ подъ жернова въ пѣчто вродѣ открытаго спереди ящика изъ гладкихъ плитъ.

Характерной чертой этихъ мельницъ (описаніе мое сдѣлано на основаніи осмотра такой мельницы у воротъ Кушки-Ноу) является то обстоятельство, что все устройство находится подъ землею. Подающій водуканатъ самъ уже находится ниже поверхности земли, бассейнъ съ водою еще ниже каната, а поставъ съ жерновами — у дна бассейна. Въ такую мельницу приходится спускаться по длинной, колѣнчато-поломанной, довольно крутой шахтѣ, освѣщенной вертикальными колодцами. Шахта настолько широка, что можетъ пропустить двухъ груженныхъ ишаковъ. Упирается эта шахта въ довольно просторную комнату, гдѣ свалены кули съ зерномъ и съ мукой и гдѣ въ нишѣ помѣщается самая мельница. Изъ этой-же комнаты можно пробраться по галлерей со ступеньками, вырытой прямо въ землѣ, вверхъ къ устью каната и къ верхнему краю колодца.

Чтобы покончить съ мельницами, скажу еще, что жернова дѣлаются изъ краснаго гранита или изъ конгломерата (послѣдніе хуже, ибо стираются неравномѣрно и скорѣе трескаются), размѣры ихъ: 1,20 метра въ діаметрѣ и 20—30 сант. толщины; насѣчка дѣлается не полосками, а сплошной рябью.

За помоль берутъ 5% стоимости муки или деньгами (по базарной цѣнѣ на муку), или натурой; изъ нихъ 4% получаетъ мельникъ, $\frac{1}{2}$ % — человекъ, очищающій зерно отъ постороннихъ примѣсей и $\frac{1}{2}$ % — за доставку на мельницу и обратно ¹⁾.

Число мельницъ въ Іездѣ опредѣлить я не могъ. Не мало ихъ и въ заброшенномъ состояніи, напр., Оссіабъ Зенгіанъ.

Третья задача канатовъ — снабжать городъ питьевой водой. Вода для этого берется не прямо изъ канатовъ, а хранится въ абамбарахъ.

Абамбаръ есть цистерна, врытая въ землю, надъ поверхностью которой видны только куполообразная крыша и вентиляторы (бадгирь), числомъ отъ одного (напр. около Зерендіуна) и до шести (напр. Шешбадгирь), чаще же бадгировъ — четыре.

Съ одной, или если абамбаръ большой, то и съ двухъ сторонъ идутъ внизъ, къ основанію абамбара, широкія лѣстницы, каменные или кирпичныя.

¹⁾ Какъ увѣряютъ, такая мельница можетъ перемолоть въ сутки до 300 шахск. менъ, т. е. около 100 пуд. зерна.

Внизу, на площадкѣ, имѣется кранъ, подающій воду изъ абамбара.

Баумгартенъ говоритъ (132) объ абамбарахъ „необычайной“ глубины (до 150 фут.).

Уже а ргіогі это кажется немного страннымъ, ибо въ Іездѣ, какъ мы увидимъ ниже, водоносный слой, питающій колодцы, находится на 40 mtr. ниже поверхности земли.

Поэтому дно абамбара въ 150 фут. глубиною, должно было бы находится уже въ водоносномъ слое.

Фактическое измѣреніе глубины абамбаровъ (по числу и высотѣ ступеней) дало лишь наибольшую глубину около 60 футъ.

Абамбары строятся обыкновенно благочестивыми людьми, ибо въ Персіи считается богоугоднымъ дѣломъ напоить жаждущаго. Абамбары, которыхъ въ Іездѣ насчитываютъ до 80, зачастую можно видѣть въ связи съ Хусейніе, которыя также строятся благочестивыми людьми. Строители эти обычно оставляютъ по завѣщанію известную сумму (чаще всего доходъ съ имѣнія), какъ на устройство религіозныхъ празднествъ въ Хусейніе, такъ и на ежегодное наполненіе абамбара водою.

Такъ какъ въ Іездѣ немало абамбаровъ, устроенныхъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, на деньги, завѣщанныя на ихъ наполненіе, давно уже издержаны. А посему считается богоугоднымъ дѣломъ купить воды для того или другого абамбара.

Баумгартенъ говоритъ, что абамбары „наполняютъ зимою и набиваютъ льдомъ“ (стр. 132).

Это, очевидно, недоразумѣніе. Возможно, что Баумгартенъ смѣшалъ абамбары съ ледниками (яхчалъ), которые по виду похожи на абамбары, только не такъ глубоки и не имѣютъ бадгировъ (такіе яхчалы можно видѣть, напр., въ числѣ четырехъ, между вор. Пуште-Багъ и Мусалла-и-Нау). Набивка абамбаровъ льдомъ или, вѣрнѣе, снѣгомъ, была-бы очень дорога, ибо снѣгъ и ледъ привозятся исключительно изъ горъ и кромѣ того вслѣдствіе самаго устройства абамбара, ледъ едва-ли могъ-бы таять и давать воду.

Вѣрно лишь то, что абамбары наполняются зимою и это потому, что зимою поливка не производится и воды имѣется въ избыткѣ. Самая смѣна воды дѣлается такимъ образомъ, что сначала спускаются остатки воды въ абамбарѣ, затѣмъ онъ чистится, наполняется водою для промывки, и уже послѣ спуска промывной воды, въ него напускаютъ свѣжую воду.

Для того, чтобы вода не загнивала, въ нее бросаютъ, смотря по величинѣ абамбара, нѣсколько кусковъ каменной соли, по 5—6 фунтовъ каждый.

Надо замѣтить, что вода изъ абамбара служить исключительно только для питья; употреблять ее на что-либо другое считается чуть-ли не такимъ-же грѣхомъ, какъ въ Европѣ бросать хлѣбъ на полъ.

Вода для хозяйственныхъ потребностей берется изъ „джуба“ или изъ „чехиль-гязъ“ (колодца).

Джубъ—есть тотъ-же канатъ, но идущій подъ домами.

Въ каждомъ домѣ имѣется довольно крутая лѣстница, ведущая внизъ, въ подземную комнату, гдѣ по срединѣ пола имѣется небольшой бассейнъ съ проточной водой—это и есть „джубъ“. (Въ моемъ домѣ, въ кв. Газурга, джубъ находился на 7 mtr. ниже уровня почвы).

Обыкновенно въ этой проточной водѣ моютъ бѣлье, посуду и тому подобное.

Канатовъ, дающихъ воду для джуба, т. е. въ общественное пользованіе, ибо каждый, при постройкѣ дома, имѣетъ право провести петлю каната и черезъ свой джубъ—всего три: 1) канатъ, идущій отъ сел. Мардава (Мердабадъ) къ сел. Кяну, 2) канатъ изъ сел. Рахметабада (2 фарс, по Кирманской дорогѣ) и 3) Абъ-и—Джедидъ; послѣдній былъ заброшенъ, но отецъ нынѣшняго Садръ-уль-Улема, носившій тотъ же титулъ, взялся его расчистить, съ тѣмъ, чтобы давать городу количество воды, потребное для орошенія 18 хафизовъ, остальную-же воду онъ провелъ въ свое селеніе Садрабадъ.

Чехиль-гязъ или „чахъ“—колодезь, является главнымъ источникомъ водоснабженія для каждаго дома. Названіе „чехиль-гязъ“, т. е. 40 гязъ или зеръ (метровъ) дано совершенно основательно: непосредственныя измѣренія такихъ колодцевъ въ разныхъ частяхъ города показали, что глубина ихъ почти всюду около 40 метровъ. Эта колодезная вода выбирается „абкешами“ съ помощью ворота, приводимаго въ движеніе ногами и сливается въ особый, высокій и узкій цементированный бассейнъ („мембэ“), дно котораго, снабженное краномъ, находится на уровнѣ пола кухни, а верхъ, съ поставленнымъ тамъ воротомъ—въ верхней части зданія.

Это „мембэ“ не только снабжаетъ домъ водой для поенія лошадей, для мытья посуды, для умыванія и т. п., но еще питаетъ, съ помощью особой трубы, хоузъ (бассейнъ), находящійся по срединѣ двора. Вода по трубѣ проводится въ столбикъ, стоящій по срединѣ хоуза, изъ котораго (столбика) вода и бьетъ болѣе или менѣе высокимъ фонтаномъ. Но такъ какъ 200 ведеръ воды (русской мѣры) обходятся въ одинъ кранъ (20 коп.), то

фонтанъ пускается въ дѣйствіе лишь при наполненіи хоуза или лѣтомъ, при визитѣ почетнаго гостя.

Хоузъ, въ виду малаго количества воды въ Іездѣ, служить для самыхъ разнообразныхъ цѣлей; изъ него поливаютъ цвѣты, въ немъ моютъ или, вѣрнѣе, вымачиваютъ посуду, туда ставятъ для охлажденія кальяны и даже купаются. Для чистоты и красоты въ хоузъ иногда пускаютъ золотыхъ рыбокъ.

Послѣ общаго описанія города, перейдемъ къ болѣе подробному описанію его—по кварталамъ или урочищамъ.

Внутренній городъ.

Кала Кохнэ и аргъ. Внутренній городъ содержитъ въ себѣ цитадель (аргъ), расположенную въ кв. Кала-Кохнэ. Черезъ ворота Наккара-Ханэ, сдѣланныя прямо въ стѣнѣ, а не въ башнѣ и увѣнчанныя балаханэ, гдѣ утромъ и вечеромъ играютъ зорю, входимъ во дворъ, длиною около 250 шаговъ и шириною около 60 шаговъ. Справа идутъ хозяйственные постройки, конюшни, помѣщенія для солдатъ и т. п.; слѣва отъ двора расположенъ домъ правителя, а немного далѣе по той-же сторонѣ двора—входъ въ тюрьму.

По срединѣ двора имѣется небольшой бассейнъ, гдѣ постоянно мокнуть нѣсколько пучковъ длинныхъ прутьевъ, тогда какъ два „фелека“ стоятъ невдалекѣ. Передъ входомъ въ домъ правителя стоятъ ружья въ козлахъ, а караулъ, равно какъ ферраши въ красныхъ кафтанахъ и гуламы бродятъ по всему двору.

Домъ правителя довольно запущенъ и вообще мало импонируетъ. Въ Ширазѣ мнѣ пришлось слышать поговорку, что „правитель Іезда меньше, чѣмъ феррашбаши въ Ширазѣ“ и поговорка эта вполне справедлива.

Съ этого двора, черезъ ворота, расположенныя насупротивъ входнымъ воротамъ, и также увѣнчанныя балаханэ, откуда мы смотрѣли фейерверкъ въ день рожденія Шаха, входимъ въ Баги-Телеграфханэ.

Этотъ садъ производитъ очень пріятное впечатлѣніе, ибо засаженъ гранатовыми деревьями и цвѣтами. Само зданіе телеграфа стоитъ налѣво, между воротами, идущими изъ арга и воротами, ведущими въ кв. Кала-Кохнэ. Зданіе это, со своими стройными колонками, бѣлымъ франтономъ, оградой изъ телеграфной проволоки и винограднымъ трельяжемъ — очень красиво.

Передъ телеграфомъ также стоятъ ружья въ козлахъ, по караула, по обыкновію, не видно. Садъ обнесенъ особой стѣной, которая является пристройкой къ цитадели.

Вся цитадель, за исключеніемъ Баги-Телеграфханэ, занимаетъ площадь около 2 десятинъ, въ видѣ не вполне правильной трапеціи. Снаружи цитадель отличается болѣе высокой, чѣмъ вокругъ остальной части внутренняго города, стѣной съ 4—5 рядами бойницъ. Въ томъ мѣстѣ (неподалеку отъ вор. Хазирэ), гдѣ внутренняя стѣна цитадели примыкаетъ къ общей стѣнѣ внутренняго города, имѣется, во входящемъ углу, башня съ бесѣдкой наверху и узорчатымъ карнизомъ (это такъ наз. „гуль дестэ“), откуда возглашается азанъ.

Самъ кв. Кала Кохнэ находится въ полуразрушенномъ состояніи и не представляетъ почти ничего интереснаго, если не считать двухъ, довольно тонкихъ башенъ изъ сѣрой глины, которыя такъ и зовутся „бурчъ (или „минаръ“) и-Гиль;“ что онѣ означаютъ—узнать я не могъ.

Базаръ-и-Ноу. Въ этомъ кварталѣ находятся ворота Маламиръ, сдѣланныя въ выступѣ стѣны и фланкированныя съ сѣвера высокой и тонкой башней съ узорами: ворота эти, какъ и ворота Кушки-Ноу, обиты металлическими пластинами неправильно трапеціевидной формы, весьма напоминающими по формѣ и размерамъ большія лопаты, употребляемыя къ іездѣ для полевыхъ работъ.

Эти ворота представляютъ тотъ интересъ, что 1) называются по имени внѣшняго, а не внутренняго квартала, и 2) причисляются къ воротамъ внѣшняго города; здѣсь помѣщаются „рахдаръ“, встрѣчающіе караваны, входящіе во внѣшній городъ. Объяснить себѣ эту странность можно тѣмъ, что, судя по развалинамъ, кв. Маламиръ раньше былъ соединенъ стѣною съ внутреннимъ городомъ, такъ что узкое пространство между кв. Маламиръ, и стѣною внутри города было улицей.

Повидимому, при входѣ въ эту улицу и находились вор. Маламиръ, теперь почти исчезнувшія. Названіе-же этихъ воротъ было уже впоследствии перенесено на ворота, ведущія въ кв. Базаръ-и-Ноу.

Войдя черезъ ворота въ названный кварталъ, мы видимъ куполъ заброшеннаго зіарета, имени котораго мнѣ назвать не могли: кто называлъ его Нуреддинъ, кто — Шейхъ Ахмедъ кто—Девазде Имамъ.

Въ этомъ кварталѣ, если идти къ вор. Кушки-Ноу, можно видѣть по лѣвую руку, на улицѣ, въ небольшомъ углубленіи,

прекрасную мозаичную надпись на фронто́нѣ частного дома, датируемую 875 г. Гиджры (1470 г. по Р. Х.)

Юзерунъ. Изъ кв. Базаръ-и-Ноу переходимъ въ кв. Юзерунъ или Юздерунъ, т. е. Іездъ-дерунъ. Въ центрѣ квартала находится Хусейніѣ Юзерунъ; около него, къ сѣверу и къ западу, почти совсѣмъ рядомъ, три Зіарета. Одинъ—почти развалина и имени не имѣетъ. Другіе два имѣютъ имена: Искандери и Девазде Имамъ—но какой изъ нихъ какъ называется, сказать мнѣ не могли. „Искандери“ приписывается, конечно, Александру Македонскому, а названіе „Девазде Имамъ“ объясняютъ тѣмъ, что кто-то видѣлъ во снѣ, что здѣсь молились 12 Имамовъ. (По Elisée Réclus, I. с. стр. 212, въ Персіи имѣется секта, поклоняющаяся специально 12 Имамамъ).

Изъ этихъ двухъ Зіаретовъ одинъ также уже настолько ветхъ, что всѣ входы въ него заложены кирпичемъ, чтобы туда не ходили. Другой еще дѣйствуетъ. Внутри его имѣются лѣпные терракотовые орнаменты, напоминающіе ананасы. Длинные, узкія буквы куфической надписи, вокругъ ниши съ мехрабомъ, сдѣланы, повидимому, или изъ дерева, или изъ кости.

Болѣе сохранившимся и болѣе интереснымъ является Зіаретъ Миръ Шейхъ Ахмедъ, расположенный почти у городской стѣны. Хотя онъ тоже сильно потерпѣлъ отъ времени, но еще служить мечетью.

Куполь его снаружи просто сѣрожелтаго цвѣта, но верхушка его окружена круговою балюстрадой, что придаетъ ему видъ бутылки съ коротко отбитымъ горлышкомъ.

Въ нишѣ, гдѣ стоитъ мемберъ и обычно находится мехрабъ, можно видѣть у самаго почти пола мозаичную надпись съ датой 779 г. Гиджры. Фонъ этой плиты зеленовато-голубоватый, буквы и довольно рѣдкіе узоры бѣлаго и желтаго цвѣта вкраплены отдѣльно, но цвѣтовъ нѣтъ.

Внутренность Зіарета была, очевидно, раньше выбѣлена и разрисована, но теперь видны лишь остатки синихъ буквъ по стѣнамъ и въ центрѣ купола—круглая фигура съ короткими лучами, встрѣчающаяся и въ другихъ Зіаретахъ, расписанныхъ красками.

Около Зіарета идетъ нѣчто вродѣ крытой, полуразрушенной галлерей. Въ ней помѣщается рядъ надгробныхъ камней изъ желтаго песчаника, какового матеріала для надгробій я больше въ Іездѣ не встрѣчалъ; затѣмъ здѣсь-же имѣются еще два мозаичныхъ надгробныхъ камня, такого-же характера, какъ и внутри, но сильно поломанныхъ.

Цифровыхъ датъ на этихъ камняхъ я отыскать не могъ.

Кушки-Ноу. Самъ кварталъ интереснаго почти ничего не содержитъ. У самыхъ воротъ можно отмѣтить только Хусейнію, довольно грубо размалеванное.

Въ крытомъ базарѣ, около входа въ это Хусейнію, имѣется лѣпное (изъ гяжа или алебаstra) панно, похожее на имѣющееся въ Даръ-уль-Шафе, съ цвѣтами и птицами, причемъ птицы представляютъ изъ себя сочетаніе буквъ.

Ворота Кушки-Ноу помѣщаются не въ самой стѣнѣ, а въ толстой башнѣ, стоящей совершенно изолированно. Надъ воротами, на башнѣ, имѣется надпись, но разсмотрѣть и прочесть ее я не могъ.

Съ этими воротами связана легенда. Когда авганцы, двѣсти лѣтъ тому назадъ, осаждали Іездъ, то они наступали съ С.-З. (Съ этой стороны города есть развалины двухъ башенъ—Бурчъ Авганъ). Жители, конечно, бросились во внутренній городъ.

Но послѣдними отступили два брата—хлѣбопеки, Сеидъ Гули Сурхъ и Сеидъ Гули Зердъ, тенѹръ (пекарня) которыхъ находилась внѣ стѣнъ внутренняго города. До послѣдней минуты они продолжали работу, но, наконецъ, видя приближеніе враговъ, они захватили изъ тенура горячіе уголья, взыбрались на башню Кушки-Ноу и стали оттуда посыпать угольями враговъ и этимъ отбили нападеніе. (Недалеко отъ вор. Кушки-Ноу, у Мешедскихъ воротъ, въ кв. Сері Джамъ, имѣется Зіаретъ Гули Сурхъ).

Шейхъ-Абуль-Касимъ. Входъ въ этотъ кварталъ идетъ черезъ вор. Шахи, снаружи замаскированныя небольшимъ уличнымъ базарчикомъ. Ворота эти хотя и не имѣютъ фигуръ и узоровъ, но все-же украшены нѣсколькими рядами металлическихъ полосъ, которыя внизу вырѣзаны фестонами, и листы обивки болѣе правильной формы.

Вблизи вор. Шахи телеграфная линія входитъ во внутренній городъ.

Войдя въ ворота, и можно почти сразу увидѣть куполь Зіарета Шейхъ Абуль Касимъ, дающаго названіе всему кварталу.

Куполь сказаннаго Зіарета выложенъ узкими полосами голубаго изразца по желтокирпичному полю; полосы эти, перекрещиваясь, образуютъ очертанія звѣздъ. Внутри этотъ Зіаретъ заброшенъ и весь въ развалинахъ; стѣны выбѣлены и только по фризу тянется, писанная синей краской по штукатуркѣ, куфическая надпись, причемъ алифы торчатъ высоко и сплетаются наверху

въ красивые узлы. Въ пристройкѣ, черезъ обвалившуюся стѣну, видно, что ниша имѣла двойную стѣнку, причемъ и на внутренней болѣе старой стѣнкѣ, видны остатки синихъ буквъ.

Въ томъ-же кварталѣ, среди домовъ, въ небольшомъ закоулкѣ, можно видѣть остатокъ лѣпной надписи куфическими буквами изъ гяжа (алебастра).

Чаръ-Су. Центральнымъ и наиболѣе интереснымъ во всемъ внутреннемъ городѣ является кв. Чаръ-Су. Въ этомъ кварталѣ двое воротъ: Хазирэ и Мехризъ.

Ворота Хазирэ въ 1893 г. носили названіе вор. Наккара-Хане. Наверху и теперь еще видны столбы бесѣдки, гдѣ помѣщались музыканты.

Наккара-Хане было перенесено на настоящее его мѣсто, послѣ того, какъ эти ворота были осквернены убійствомъ, извѣстнаго въ то время луги Уста Гулама. Этотъ луги пользовался репутаціей безумно дерзкаго храбреца, онъ напр. однажды, среди бѣла дня, въ присутствіи многихъ феррашей, убилъ на улицѣ, самого феррашбашни. Чтобы избавиться отъ такого человѣка, его заманили во внутренній городъ, устроивъ засаду въ башнѣ у вор. Хозирэ. Когда онъ вошелъ въ длинный и узкій проходъ, ведущій въ городъ, то его разстрѣляли.

Главный интересъ этихъ воротъ заключается въ ихъ большой древности и въ куфической надписи, относящейся, повидимому, къ X вѣку нашей эры. Ворота эти сильно ветхи, нижняя часть поломана и даже имѣетъ дыру, вродѣ калитки. Лучше сохранилась верхняя часть, украшенная симметрическими выпуклыми узорами и обивками; среди узоровъ можно видѣть фигуры двухъ львовъ или тигровъ, двухъ всадниковъ съ булавами на плечѣ, посрединѣ-же видна фигура слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ. На металлической полосѣ, тянущейся поперекъ воротъ, вырѣзана куфическая надпись.

Ворота Мехризъ имѣютъ также обильную узорчатую обивку, хотя и инаго рисунка, чѣмъ на вор. Хазира. Но фигуры являются почти тождественными: здѣсь есть тоже два льва, два всадника (хотя здѣсь они не съ булавами, а стрѣляютъ изъ лука); имѣется также и слонъ, но уже съ тремя всадниками, которые держатъ на плечахъ какую-то длинную жердь или копье. Новаго только три человѣческія фигуры выше слона.

Долженъ отмѣтить, что на башняхъ стѣны внутренняго города, вблизи вор. Мехризъ, можно видѣть подобныя же человѣческія фигурки, напоминающія извѣстное клеймо „Zwillings“

на золотыхъ стальныхъ издѣліяхъ; чтобы видѣть эти фигурки на башнѣ надо взобраться на крышу базара у вор. Мехризь.

Одинаковость мотивовъ на обоихъ воротахъ даетъ поводъ полагать, что они дѣланы однимъ мастеромъ. На вор. Мехризь надписей нѣтъ.

Между вор. Хазирѣ и вор. Мехризь, въ стѣнѣ внутренняго города, находится Зіаретъ Шахзаде Фазиль. Хотя самое зданіе находится во внутреннемъ городѣ, но входъ въ него устроенъ снаружи. Куполь этого Зіарета, выложенный голубыми и синими изразцами, сравнительно маленькихъ размѣровъ.

Зіарету Шахзаде Фазиль считается около 700—800 лѣтъ и имя его „Фазиль“ и званіе „Шахзаде“ связываютъ съ именемъ въ стѣнѣ послѣдняго Іездигерда. По словамъ гебровъ, при нашествіи арабовъ, дѣти Іездигерда—сынъ Шахзаде Фазиль, дочери: Нараки, Наристанъ, Пиресезъ и Хириштъ, а также служанка ихъ Хастуданъ (иначе—Сетти-Пиръ) бѣжали и чудесно скрылись. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они скрылись (Фазиль въ городѣ, остальные (вне города) гебрами были устроены Зіареты, носящіе указанная выше имена.

Часть квартала Чаръ-Су, находящаяся позади Зіарета Шахзаде Фазиль, полна развалинъ. Здѣсь можно отмѣтить только остатки мозаичной надписи на зданіи, повидимому, бани.

Войдя въ кв. Чар-Су черезъ вор. Мехризь и повернувъ тотчасъ направо, подходимъ къ такъ наз. Даръ-уль Шафе. На изломѣ крытой улицы, можно видѣть лѣпное изъ гяжа панно, украшенное сверху рядомъ гандилей. Панно довольно тонкой работы, изображаетъ птицъ и цвѣты; въ нижней части три углубленія, въ среднемъ изъ нихъ (съ полукруглымъ верхнимъ краемъ) вмазанъ камень, который и есть „кадемга“: каждый прохожій считаетъ своимъ долгомъ потереть руку о камень и затѣмъ о свой лобъ. Надъ камнемъ, въ томъ-же углубленіи, написано только „Аллахъ“. Вокругъ панно идетъ бардюръ изъ ряда рыбъ и по сторонамъ идутъ двѣ тонкія витыя колонки; сверху же имѣется нѣчто вроде двухъ кронштейновъ. Все панно бѣлаго цвѣта и рельефно выдѣляется на фонѣ глиняной стѣны. Къ сожалѣнію, освѣщеніе въ этомъ мѣстѣ настолько неудачно, что трудно было получить полный снимокъ.

Если отъ вор. Мехризь идти прямо, то приходится проходить базаръ Фортъ, гдѣ также имѣется „кадемга“—въ банѣ Фортъ, именно слѣдъ руки Имама Ризы. По легендѣ, однажды Имамъ Риза явился въ эту баню, но его не пустили, ибо тамъ мылся нѣкій даругъ; у этого даругъ тѣло было покрыто бѣлыми

пятнами, его стѣсняло это обстоятельство и онъ всегда мылся въ одиночку. Узнавъ объ этомъ, Имамъ Риза сжалился надъ даругѣ (говорятъ, что этотъ даругѣ погребенъ въ Зенгіанѣ) и исцѣлилъ его, обливъ его водою. Чтобы сохранить память объ этомъ чудѣ, Имамъ приложилъ руку къ стѣнѣ и приказалъ хозяину не топить болѣе бани, но подѣ условіемъ, чтобы болѣе не открывать дверей топки (по другой версіи, онъ это сдѣлалъ взамѣнъ платы). Дѣйствительно, баня оставалась теплою и безъ топки, пока, лѣтъ черезъ 50, любопытные наслѣдники не открыли дверей топки; тамъ они увидѣли двѣ горящихъ свѣчи, но съ тѣхъ поръ баня перестала держать тепло.

Слѣдъ же руки показываютъ и теперь. Мнѣ, какъ „сегни-кяфиру“ самому осмотрѣть его не удалось: по словамъ же переводчика, бывшаго въ банѣ, на аршинъ отъ полу, за рѣшеткою, величиною около 50 x 50 ст., показываютъ что-то, но это что-то такъ закопчено, что не только слѣда руки, но вообще ничего нельзя разобрать.

Пройдя далѣе, по нѣсколькимъ узкимъ и грязнымъ базарамъ и, оставивъ въ сторонѣ Медреси Шахзаде, подходимъ къ Месджидъ Джум'э, кафедральной мечети города.

Баумгартенъ, перечисляя мечети (136), говоритъ, что Месджидъ Джум'э считается самой древнею. Гебры утверждаютъ, что раньше это была Гебрекая святыня и что только потомъ мусульмане обратили ее въ свою мечеть.

По легендѣ, послѣ захвата мусульманами этой Гебрекой святыни, семь дестуровъ (жрецовъ) вмѣстѣ съ собакой скрылись въ одной изъ комнатъ храма и погрузились въ сонъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Дверь этой комнаты чудесно исчезла, такъ что никто не зналъ о ней, хотя на крышѣ храма и было 7 сводовъ, а внизу только 6 комнатъ. Много лѣтъ спустя, одинъ кровельщикъ, починяя крышу, сдѣлалъ отверстіе въ одномъ изъ сводовъ и увидѣлъ черезъ дыру комнату, въ которой покоились семь дестуровъ, покрытыхъ покрываломъ, и у ногъ ихъ тоже спящую собаку. Кровельщикъ испугался, упалъ сначала въ обморокъ, но затѣмъ побѣжалъ и рассказалъ о видѣнномъ.

Но когда пришли другіе, то и сводъ и сама комната исчезли. Съ тѣхъ поръ, увѣряютъ гебры, мусульмане, якобы, мало уважаютъ эту мечеть, считая ее оскверненною, и потому она является запущенной.

Сверхъ того рассказываютъ, что въ Джубѣ Месджидъ Джум'э живетъ „Эждеха“—драконъ.